

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХVII.

1901.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	3
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшая благодарность	20
IV. Высочайшіе приказы	21
V. Приказы министра народнаго просвѣщенія	26
VI. Министерскія распоряженія	27
VII. Определенія ученаго комитета мин. нар. пр.	41
VIII. Определенія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	49
IX. Определенія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	51
Открытіе и преобразование училищъ	52
Е. В. Пѣтуховъ. Вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи въ XVIII вѣкѣ	1
И. А. Водуэнъ-де-Куртенэ. О омишанномъ характерѣ всѣхъ языковъ	12
Н. Н. Опрсовъ. Вопросъ о причинахъ паденія вексельнаго курса Россіи и о средствахъ къ его возвышенію въ царство- ваніе Екатерины II	26
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинныхъ самоочевидныхъ. III (продолженіе)	91
В. И. Сергѣевичъ. Закладничество въ древней Руси	111

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Панченко. О нѣкоторыхъ трудахъ по изученію древне-гер- манскаго наслѣдованія и родовыхъ союзовъ	134
И. С. Еп. Порфирій. Книга бытія моего. Т. V. Часть 1853 и 1854 гг. Подъ редакціей И. А. Сырку. С.-Пб. 1899	176
К. О. Тандеръ. <i>Elard Hugo Meyer. Deutsche Volkskunde.</i> 1898	193
В. И. Фармаковскій. Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ С.-Пб. 1901.	199
Н. М. Каринскій. <i>L'Accent Tonique dans la Langue Russe par Gaston Pérot. Lille. 1900.</i>	218
С. П. К. Харламовичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань. 1898	222
В. Т. Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. Переводъ Е. Ч. С.-Пб. 1900	224
П. Е. Казанскій. Еще о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ	227
— Книжныя новости	254

(См. 3-ю стр. обложки).

ВОПРОСЪ О ПРИЧИНАХЪ ПАДЕНІЯ ВЕКСЕЛЬНАГО КУРСА РОССІИ И О СРЕДСТВАХЪ КЪ ЕГО ВОЗВЫШЕНІЮ ВЪ ЦАР- СТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Этюдъ по архивнымъ документамъ.

Въ этомъ этюдѣ вниманію специалистовъ предлагаются въ обработанномъ видѣ не болѣе какъ *материалы*, не лишенные интереса и значенія для исторіи финансовой и торговой политики русскаго правительства въ царствованіе Екатерины II. Авторъ, такъ смотря на свою работу, рассчитываетъ, что и другіе не станутъ искать въ ней чего-либо большаго, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ вексельный курсъ Россіи началъ понижаться, вопросъ о немъ, а также о тѣсно связанномъ съ нимъ торговомъ балансѣ и другихъ предметахъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ вексельному курсу, сдѣлался объектомъ живого вниманія и усердѣйшихъ заботъ правительства Екатерины II. Внѣшнюю торговлю, торговый балансъ и т. п. стали „разсматривать“ и обсуждать съ цѣлью „исправленія“ вексельнаго курса. Особенно сильную тревогу забило правительство, а потомъ и крупное купечество съ 1779 года, когда вексельный курсъ, дѣлая скачки, сталъ спускаться все ниже и ниже. Колебаніе и паденіе курса ставили правительство и купечество въ величайшія затрудненія: надвигались убытки казнѣ, торговые и промышленные кризисы, потеря кредита, а въ близкомъ

будущемъ напуганному воображенію мерещилось дальнѣйшее паденіе курса и банкротство страны. Сообразно съ увеличеніемъ опасности на международномъ денежномъ рынкѣ для государственнаго и купеческаго кредита Россіи и самою „разсмотрѣніемъ“ причинъ упадка вексельнаго курса съ цѣлью избрѣтенія мѣръ къ его возвышенію становилось глубже и разностороннѣе. „Дѣла“ „объ униженіи курса“ сохранились, и по нимъ мы можемъ получить довольно ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ этотъ вопросъ трактовался правительственными и коммерческими сферами того времени ¹⁾.

Еще въ 1774 году въ комиссіи о коммерціи возникло „разсмотрѣніемъ“ русской внѣшней торговли въ видахъ выясненія и устраненія ея недостатковъ, ведущихъ къ пониженію баланса и вексельнаго курса ²⁾. „Дѣло“ было вызвано заявленіемъ придворнаго банкира Фридерикса о томъ, что онъ затрудняется перевести въ Амстердамъ 250.000 гульденовъ въ уплату срочныхъ процентовъ по государственнымъ облигаціямъ; какъ на причину затрудненія, бар. Фридериксъ указывалъ на невыгодный для Россіи вексельный курсъ, естественное послѣдствіе, по его мнѣнію, неблагоприятнаго для нея торговаго баланса ³⁾; сверхъ того, операція этого перевода затруднялась еще

¹⁾ *Storch*, Supplementband. Лейпцигъ 1808, стр. 7, *Cours d'économie politique*. С.-Петербургъ, 1815, VI, стр. 341 и 342; *Гр. Операциа*, „Записка о монетномъ обращеніи“. С.-Петербургъ 1895, стр. 40—48.

²⁾ Это дѣло уже изложено въ сочиненіи г. Лодыженскаго, „Исторія таможеннаго тарифа“. С.-Петербургъ 1886 г., стр. 127—135. Я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности сдѣлать дополнительныя разысканія къ тѣмъ документамъ, которые цѣлкою напечатаны г. Лодыженскимъ въ „Приложеніяхъ“ къ означенному его труду (стр. 8—45); поэтому я въ своемъ текстѣ даю лишь то, что даетъ г. Лодыженскій, не столько, впрочемъ, въ своемъ текстѣ, сколько въ упомянутыхъ „Приложеніяхъ“. Настоящую главу я считаю какъ бы введеніемъ въ свое самостоятельное изслѣдованіе, начинающееся собственно со второй главы, съ 1779 года, съ котораго, по поднѣянному мнѣнію комиссіи о коммерціи, нашъ вексельный курсъ „упасть сталъ“.

³⁾ „Все“, говоритъ б. Фридериксъ, „я старался многіе мѣсяцы курсъ на 88³/₄ стиверовъ содержать, нимъ очевидно, что въ прошломъ годѣ разнымъ незаконнымъ привозомъ не только перевѣсъ внѣшней торговли вовсе похищенъ, но до 3 мил. въ чужестранную пользу приведенъ“. (Прилож. къ „Ист. там. тар.“ Лодыженскаго, стр. 8). Лодыженскій въ текстѣ кратко излагаетъ содержаніе записки бар. Фридерикса, но это изложеніе въ данномъ случаѣ крайне неточно и несомнѣнно вызываетъ удивленіе во всякомъ, кто справится съ подлинной запиской бар. Фридерикса, приложенной авторомъ къ „Исторіи русскаго таможеннаго та-

необходимостью сдѣлать другой переводъ въ 700.000 гульденовъ по разнымъ „обязательствамъ и авансамъ“; выходило такъ, что переводъ 250.000 гульденовъ „здѣшними векселями“, при низкомъ вексельномъ курсѣ, не только былъ убыточенъ, но и долженъ былъ повлечь за собой новый „значительный уронъ“ вексельному курсу. Сѣтуя на все это, бар. Фридериксъ жаловался на развитіе контрабанднаго промысла, „разоряющаго все общество“, говоря, что „умноженіе“ контрабанды „довольно“ доказывается „ежепочтнымъ переводомъ денегъ“¹⁾. Изложенное письмо было адресовано на имя тогдашняго генералъ прокурора Сената кн. Вяземскаго. По вопросамъ, затронутымъ барономъ Фридериксомъ, кн. Вяземскій и со своей стороны составлялъ записку, для доклада императрицѣ.

Такъ же, какъ и баронъ Фридериксъ, кн. Вяземскій всю бѣду сводить къ плачевному состоянію нашей внѣшней торговли или, иначе говоря, нашего торговаго баланса, становящагося все менѣе и менѣе благоприятнымъ для Россіи, чему, по его мнѣнію, способствуетъ и контрабандный ввозъ, размѣры котораго, однако, „опредѣлить невозможно“. Значить для поправленія вексельнаго курса или, что тоже, для облегченія переводныхъ платежей Россіи за границу, предстояло поправить нашъ торговый балансъ: таково, согласно съ бар. Фридериксомъ, мнѣніе князя Вяземскаго. Но какъ это сдѣлать? Кн. Вяземскій не вѣрится въ произвольное увеличеніе вывоза²⁾; онъ всю надежду видитъ въ мѣрахъ, уменьшающихъ ввозъ, и въ наилучшей организаціи таможеннаго надзора. Сверхъ намѣченныхъ имъ мѣръ, кн. Вяземскій предложилъ „сдѣлать вновь разсмотрѣніе, кому благоугодно повелѣтъ будетъ“, о томъ, „какіе иностранные товары ввозить, чрезъ

рифа“. Г. Лодыженскій изображаетъ сужденія бар. Фридерикса въ слѣдующемъ видѣ: „Въ февралѣ 1774 г. г. придворный банкиръ Фридериксъ представилъ записку, въ которой объяснялъ, что въ виду сильнаго упадка курса, а также невыгоднаго для Россіи баланса въ внѣшней торговлѣ, *по коей привозъ товаровъ въ Россію почти сравнялся съ то время съ отпускомъ*, а въ скоромъ времени ожидалось еще большее сокращеніе отпуска и наконецъ предстоящихъ значительныхъ переводовъ за границу по частнымъ ремесламъ, онъ встрѣчаетъ затрудненіе въ переводѣ въ Голландію 250 т. р., слѣдующихъ по текущему купону государственныхъ облигацій“ (стр. 127). Подчеркнутое о балансѣ совѣтъ не то, что высказалъ по этому предмету бар. Фридериксъ, и если въ объясненіе послѣдняго г. Лодыженскій включилъ разъясненіе, цитируемому автору не принадлежащее, то это надо было бы оговорить.

¹⁾ Ibid., „Прил.“, стр. 8 и 9.

²⁾ Лодыженскій, „Прил.“, стр. 14.

какія мѣста и какому быть смотрѣнію въ недопущеніи потаеннаго ввоза товаровъ"...¹⁾ Обѣ бумаги — письмо барона Фридерикса и заи́щанія кн. Вяземскаго—прежде всего разсматривались въ совѣтѣ при Высочайшемъ дворѣ, и здѣсь было найдено „необходимымъ“ выяснить, какъ поставленный генераль-прокуроромъ вопросъ о ввозимыхъ товарахъ, такъ и вопросъ „о нашей торговлѣ вообще“; кромѣ того, надо было узнать „образъ употребленія таможенныхъ (чиновниковъ) и исполненія ими ихъ должностей“ и изыскать средства къ пресѣченію усилившейся контрабанды. „Разсмотрѣніе“ этихъ вопросовъ, по мнѣнію совѣта, слѣдовало поручить „особливо опредѣляемымъ по соизволенію Ея Императорскаго Величества особамъ“²⁾. Императрица предложила обсудить затронутые вопросы комиссіи о коммерціи³⁾. Въ послѣднюю поступили два подробныхъ разсужденія о русской ви́шней торговлѣ и о дальѣйшемъ направленіи нашей таможенной политики. Одно принадлежит перу гр. Эрста Миниха, другое — князя Щербатова, извѣстнаго общественнаго дѣятеля, публициста и историка Екатерининской эпохи. Гр. Минихъ въ своихъ взглядахъ на означенный предметъ рѣзко разошелся съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго. Самое состояніе торговаго баланса Россіи гр. Минихъ не считаетъ столь неблагопріятнымъ, какъ это представлялось кн. Вяземскому, тѣмъ болѣе барону Фридериксу, взглянувшему на судьбу русскаго торговаго баланса уже совершенно пессимистически; гр. Минихъ полагалъ, что, рисуя невеселую картину упадка русской торговли, кн. Вяземскій опирался на невѣрные цифровые итоги; на основаніи своихъ собственныхъ расчетовъ гр. Минихъ приходилъ къ иному, успокоительному, заключенію о торговомъ балансѣ Россіи... Съ другой стороны, гр. Минихъ былъ убѣжденъ, что не слѣдуетъ увеличивать пошлины на предметы ввоза даже въ томъ случаѣ, если бы „дозвано было, что умножившійся привозъ иностранныхъ товаровъ“ „унизилъ“ курсъ и затруднилъ чрезъ то денежныя переводы.

Вообще гр. Минихъ явился горячимъ сторонникомъ либеральной торговой политики: въ ней онъ видѣлъ основное средство не только для развитія самой торговли и поправленія баланса, но также и для процвѣтанія земледѣлія⁴⁾. Гр. Минихъ былъ того мнѣнія, что ни за-

¹⁾ Архивъ госуд. совѣта, I т., ч. 2, стр. 601.

²⁾ *Лодыженскій*, см. „Прилож.“, стр. 18

³⁾ *Лодыженскій*, Исторія русск. там. тар., стр. 180.

⁴⁾ См. у *Лодыженскаго* „Приложен.“, стр. 21.

препенеіе ввоза предметовъ роскоши, ни „совершенное пресѣченіе“ контрабанды не способны повзвысити курса, ежели правительство принуждено будетъ дѣлать „толь знатные денежные переводы, какихъ настоящіа требуютъ обстоятельства“: въ стремленіи поднять вексельный курсъ можно надѣяться на одно средство — на поощреніе „вольнаго“ выпуска; чрезъ допущеніе сюда товаровъ, всегда или уже долгое время состоявшихъ въ сферѣ казеннаго торга ¹⁾).

Если такимъ образомъ гр. Минихъ является представителемъ современныхъ ему новыхъ экономическихъ воззрѣній и ничего не имѣетъ общаго съ представителемъ меркантилизма кн. Вяземскихъ, то князь Щербатовъ, третій торговый совѣтникъ, сдѣлалъ попытку установить нѣкоторыя среднія нормы и указать нѣкоторыя среднія мѣры—отчасти въ духѣ развиваемой тогда передовыми экономистами теоріи свободной конкуренціи, отчасти же въ духѣ устарѣлыхъ меркантильныхъ воззрѣній и текущей международной торговой политики европейскихъ государствъ.

Высказываясь за „вольность“ торговли и свободную конкуренцію, кн. Щербатовъ въ то же время полагаетъ, что „государственные нужды“ заставляютъ „учредить пошлину со входящихъ и выходящихъ товаровъ“; изъ этой-то необходимости онъ и выводитъ нѣсколько правилъ, которыя представляютъ обычную программу меркантилистовъ, лишь съ кое-какими оговорками въ фізіократическомъ вкусѣ ²⁾). Переходя затѣмъ къ „затрудненіямъ“, которыя претерпѣваетъ русская заграничная торговля, кн. Щербатовъ прежде всего указываетъ на недостатокъ довѣрія къ нашимъ купцамъ со стороны иностранцевъ; російскіе злостные банкроты, по его словамъ, „истребляютъ кредитъ“ русскаго купечества вообще; съ этимъ печальнымъ явленіемъ прежде всего слѣдуетъ, по мнѣнію кн. Щербатова, считаться правительству соотвѣтствующимъ законодательнымъ путемъ—очевидно, были необходимы цѣлесообразные банкротскій и вексельный уставы. Другимъ капитальнымъ пренятствіемъ къ развитію заграничной торговли Россіи кн. Щербатовъ считалъ то привилегированное положеніе, которое заняли въ этой торговлѣ англичане, благодаря данной имъ русскимъ правительствомъ таможенной льготѣ сравнительно съ другими иностранцами. Дѣло въ томъ, что указомъ 1772 года было повелѣно брать съ иностранцевъ пошлину „полновѣсными ефимками

¹⁾ Цит. соч., см. „Приложен.“, стр. 26.

²⁾ Лодыж., „Прилож.“ 28 и 29.

сполна, а не половину⁴, другая половина до этого указа уплачивалась русскими деньгами, по тарифу 1766 года; однако англійскіе и русскіе купцы были оставлены на прежнемъ основаніи, внѣ дѣйствія означеннаго указа 1772 года; эта таможенная льгота дѣлала англичанъ монополистами въ заграничной торговлѣ Россіи, „привлекавшими къ себѣ всѣ комиссіи“ и „отгоняющими совѣсничество, толь нужное въ торговлѣ“. Это „фаворизированное“ положеніе англичанъ, явившихся въ качествѣ убыточныхъ посредниковъ въ русской заграничной торговлѣ, надо уничтожить и установить „совѣстничество, т.-е. свободную конкуренцію иностранныхъ купцовъ въ непосредственной торговлѣ съ Россіей: отсюда возникнуть несомнѣнныя выгоды для русскаго междунарсднаго обиха, равно какъ для русской промышленности вообще¹).

Къ ввозимымъ предметамъ роскоши авторъ извѣстнаго сочиненія „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“ отнесся довольно снисходительно въ запискѣ, имѣвшей цѣлю исправленіе не нравовъ, а торговаго баланса. При пересмотрѣ тарифа кн. Щербатовъ рекомендовалъ „постараться пресѣчь излишнюю роскошь, не такую, которая способствуетъ трудолюбію и обращенію денегъ внутри государства, но ту, которая въ долгъ чужестраннымъ государству вводитъ“; при этомъ кн. Щербатовъ совѣтовалъ запрещать не только ввозъ предметовъ „излишней роскоши“, но и ихъ потребленіе въ Россіи, ибо если не будетъ запрещено потребленіе, то „оныя товары“ контрабандою войдутъ“; но въ специально „тарифной“ части своего „мнѣнія“ кн. Щербатовъ для полнаго запрещенія указалъ очень немногіе иностранные товары: изъ непронизводящихся въ Россіи—лишь бархатные кафтаны, парчу дорогую, мебель и „роскошныя“ кареты, а изъ производящихся—только пиво, портеръ и нѣкоторыя вина; на другіе иностранные товары, которые тоже служатъ къ „излишней роскоши“, но производятся и въ Россіи, кн. Щербатовъ совѣтовалъ поднять пошлину, „дабы работу домашнихъ фабрикъ побудить употреблять“; тѣ же предметы ввоза, которые служатъ къ роскоши, полезной и для торговли, и для промышленности и вообще для развитія культурной жизни („благопристойной чистоты“), должны быть, по мнѣнію кн. Щербатова, облегчены въ пошлинахъ.

Будучи убѣжденъ, что государство въ состояніи регулировать не только ввозъ, но и вывозъ, кн. Щербатовъ былъ сторонникомъ умѣ-

¹) См. у Лодыженск. „Прилож.“, стр. 85.

ренного стѣсненія ввоза и сильнаго ободренія вывоза. О таможняxъ и злоупотребленіяхъ при нихъ кн. Щербатовъ не распространялся, ибо, по его мнѣнію, „сіе особливаго подробнѣйшаго разсмотрѣнія требуетъ“¹⁾.

Таковы вкратцѣ сужденія совѣтниковъ, высказавшихся по поводу вышецитированной записки придворнаго банкира б. Фридерикса. Кн. Вяземскій, гр. Минихъ и кн. Щербатовъ были убѣждены, что торговая политика русскаго правительства должна быть направлена къ развитію отечественнаго экспорта, что только улучшеніе торговаго баланса Россіи можетъ вести къ прочному исправленію русскаго вексельнаго курса; но они, эти совѣтники, неодинаково думали о будущемъ тарифѣ, въ которомъ они видѣли главное средство къ достиженію указанной цѣли: одинъ рекомендовалъ строго-охранительный тарифъ, другой—смѣло-либеральный, третій, такъ сказать, либерально-охранительный—золотую средину въ области тарифнаго творчества.

II.

Въ 1779 году мы снова встрѣчаемся съ недовольствомъ русскаго правительства вексельнымъ курсомъ. Указомъ правительствующаго сената комиссіи о коммерціи было поручено разсмотрѣть упадокъ курса: „несмотря“, говорилъ указъ, „на продолжающіеся въ настоящее время ярмарки приходитъ не болѣе на рубль, какъ 39 штиверовъ (голландскихъ) и $\frac{3}{4}$ стыв., а сверхъ того по одному % наддачи на серебряныя деньги“. Правительствующій сенатъ самъ „разсуждалъ“ о причинахъ упадка вексельнаго курса и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя и были изложены въ указѣ же, къ свѣдѣнію и дальнѣйшему разсужденію комиссіи о коммерціи. „Главнѣйшею причиною“ означеннаго „упадка“ сенатъ считалъ „уменьшеніе баланса въ нашу пользу отъ умножившагося привоза иностранныхъ товаровъ къ здѣшнему (т.-е. къ Петербургскому) порту“. Въ добавленіе къ этой „главнѣйшей причинѣ“ сенатъ указывалъ на одно явленіе, которое, по его мнѣнію, „содѣйствовать можетъ“ упадку вексельнаго курса, именно на присылку изъ-заграницы русскихъ ассигнацій, „вмѣсто векселей, для покупки товаровъ“. Сенатъ предложилъ комиссіи о коммерціи высказаться съ своей стороны насчетъ отмѣченнаго явленія: „поколикъ сіе обращеніе государственныхъ

¹⁾ Лодж., „Прилож.“, стр. 41—45, см. также текстъ автора, стр. 132—135.

ассигнацій для здѣшней торговли можетъ быть полезно или вредно". Слѣдовательно, на этотъ разъ комиссія о коммерціи должна была заняться не только выясненіемъ общихъ причинъ „униженія" курса, „главнѣйшая" изъ коихъ отмѣчалась въ сенатскомъ указѣ, — но и изслѣдованіемъ болѣе спеціальнаго вопроса — о вліяніи возвращающихся изъ-за границы русскихъ ассигнацій на русскую внѣшнюю торговлю: не понижается ли вексельный курсъ отъ указаннаго сенатомъ „обращенія" русскихъ государственныхъ ассигнацій? Самъ сенатъ сильно занодозрилъ предъ этого „обращенія"; но для полнаго уразумѣнія коммерческой техники существовала особая комиссія, и сенатъ потребовалъ соотвѣтствующаго „разсужденія" и заключенія отъ этого спеціальнаго учрежденія. Члены комиссія о коммерціи согласились между собою сначала заняться предложенными вопросами, такъ сказать, на дому, а потомъ сообщить свои замѣчанія въ комиссію для общаго опредѣленія. Предварительно, до составленія замѣчаній, было рѣшено „поговорить" съ купцами. Мнѣнія въ комиссію о коммерціи были представлены тремя ея членами: дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ Эрнстомъ Минихомъ, тайнымъ совѣтникомъ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ фонъ-Клингштетомъ; двое остальныхъ—дѣйствительный камергеръ гр. Христофоръ Сергѣевичъ Минихъ и статскій совѣтникъ Матвій Андреевичъ Красильниковъ, не считая правителя („директора") комиссіонной канцеляріи, сочли для себя и для дѣла достаточнымъ не представлять своихъ мнѣній, а согласиться съ мнѣніями болѣе чиновныхъ сотоварищей.

Обращаемся къ изложенію содержанія представленныхъ „примѣчаній".

Гр. Эрн. Минихъ прежде всего отмѣчаетъ общія обычныя причины колебанія вексельнаго курса въ С.-Петербургѣ, при чемъ все дѣло сводитъ къ отношенію между необходимыми платежами за вывозные и привозные товары: чѣмъ больше торгующимъ приходится платить за границу, чѣмъ болѣе возникаетъ спросъ на иностранныя векселя, тѣмъ ниже становятся вексельный курсъ задолжавшей страны. Въ С.-Петербургѣ, по наблюденіямъ Миниха, именно этотъ случай: перевѣсъ задолженности русскихъ купцовъ иностранцамъ надъ долгами иностранныхъ купцовъ русскимъ. Однако, несмотря на такое утвержденіе, вопросъ о перевѣсѣ привоза надъ вывозомъ Минихъ оставляетъ открытымъ до истеченія года, „когда обыкновенно" составляется балансъ внѣшняго торговаго оборота.

Слѣдующимъ же наблюденіямъ купцовъ, мнѣніемъ которыхъ Минихъ и вообще руководился въ сужденіяхъ о колебаніи курса, едва ли можно утверждать, „чтобы привозъ нынѣшняго года (1779 г.) (выключая алмазныя и другія драгоцѣнныя вещи для двора) чувствительно превосходилъ привозъ прошлаго года“. Что касается до входившихъ изъ-за границы русскихъ государственныхъ ассигнацій, то Минихъ не склоненъ приписывать имъ особенное вліяніе на вексельный курсъ, „если онѣ только не подложныя“.

Поставивъ діагнозъ болѣзни, гр. Минихъ подумалъ и о средствѣ для излѣченія нашего курса. Будучи сторонникомъ невмѣшательства либеральной торговой политики, Минихъ, очевидно, долженъ былъ отвестись отрицательно къ возможности изобрѣсти такое средство, которое дѣйствительно приводило бы къ радикальному исправленію курса; онъ прямо и заявилъ: такъ какъ „перемѣна“ курса „зависитъ отъ однихъ только обстоятельствъ, трудно изобрѣсти точное средство“ для возвышенія курса. Но тѣмъ не менѣе Минихъ не отказался рекомендовать „средство“ хотя бы для временнаго исправленія курса; онъ находилъ полезнымъ слѣдующее: „чтобы придворный банкиръ, имѣющій довольно кредиту или капиталу въ Голландіи, трассировалъ въ три или четыре почтовыхъ дня сряду до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей; и исчерпнувъ такимъ образомъ большую часть наличныхъ денегъ, въ рукахъ другихъ купцовъ находящихся, принудилъ бы онъ ихъ, какъ скоро возымѣли бы они надобность въ новыхъ капиталахъ, давать ему векселя съ выгоднѣйшимъ курсомъ; посредствомъ чего упомянутый банкиръ возвратилъ бы убытокъ, понесенный имъ въ то время, когда онъ трассировалъ при самомъ нижнемъ курсѣ“.

Гр. А. Р. Воронцовъ первое свое вниманіе обратилъ на балансъ. „Вѣдомости“ показывали балансъ выгодный для Россіи: въ 1778 г. привезено было въ Россію иностранныхъ товаровъ на 12.704.236 р., а отпущено за границу „россійскихъ“ на 19.173.568 руб.; выходило, что „балансъ въ пользу нашу состоитъ по симъ вѣдомостямъ въ 6.469.332 руб.“. Отсюда, по мнѣнію гр. Воронцова, вексельный курсъ („поколку оный зависитъ можетъ единственно отъ операціи по торгу“) долженъ былъ бы явиться „весьма высокимъ“; но этого не случилось: „практика“ говорила совсѣмъ иное; вѣря болѣе „практикѣ“, чѣмъ официальнымъ цифрамъ, Воронцовъ и приходитъ къ заключенію, „что привозъ иностранныхъ товаровъ, конечно, гораздо болѣе того, который по тамошнимъ вѣдомостямъ значитъ“; при этомъ

Воронцовъ намекаетъ, что существуютъ лица, которымъ „приватно“ „извѣстно“ несоотвѣтствіе „вѣдомостей“ съ дѣйствительностью; то лица не безъ компетентности по торговой части, „кои на торгъ нашъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ взирають“. Гр. Воронцовъ считаетъ настоящій привозъ настолько значительнѣе вывоза, что рѣшается высказать слѣдующее предположеніе: „едва ли то превосходное количество онаго привоза не пожираетъ уже большой части балансу, въ таможенныхъ вѣдомостяхъ показываемаго“. Словомъ „главную причину“ упадка курса гр. Воронцовъ выставляетъ, вопреки „вѣдомостямъ“, „превосходство“ привоза надъ вывозомъ, неблагоприятный для Россіи торговый балансъ. Это — причина „главная“, но не единственная, къ ней Воронцовъ прибавляетъ и другія. Такъ, обративъ затѣмъ вниманіе на нашу торговлю изъ отдѣльныхъ портовъ, Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что отпускъ Архангельска и Нарвы сильно понизился сравнительно съ предшествовавшими годами; къ тому же изъ с.-петербургскаго порта „многіе“ русскіе товары были отпущены въ кредитъ, при чемъ платежъ по этому долгу весьма затянулся ¹⁾. „Всѣ сіи причины—говоритъ Воронцовъ—не могли не соучаствовать въ униженіи курса“.

Въ заключеніе гр. Воронцовъ останавливается на поставленномъ въ сенатскомъ указѣ вопросѣ о вліяніи на русскую торговлю русскихъ государственныхъ ассигнацій, присылаемыхъ изъ-за границы для покупки товаровъ. Воронцовъ не желаетъ входить въ „ислѣдованіе“ того, „какимъ образомъ оныя изъ Россіи выходили“; онъ прямо заявляетъ, что „возвращеніе ассигнацій весьма вредно“, какъ для курса денежнаго (вексельнаго тожъ), такъ и для государства вообще; вслѣдствіе чего Воронцовъ рекомендуетъ „всевозможныя мѣры“. „дабы банковыя ассигнаціи, какимъ-либо образомъ изъ Россіи вышедшія, ни подъ какимъ видомъ пакы во оную впускаемы не были“; Воронцовъ

¹⁾ Торгъ у города Архангельска противъ прошлаго года, сколько мнѣ извѣстно, былъ не столь выгоденъ, какъ въ прежніе годы. Продуктовъ нашихъ, за недостаткомъ кораблей, куплено несравненно менѣе, и чуть не 3-ю долею меньше противъ прошлаго года; выручаемая жъ деньги за товары наши входили также въ расчетъ вексельныхъ операцій. О Нарвѣ тоже сказать можно, ибо въ прежніе годы не мало продуктовъ нашихъ оттуда выпускалось, за что и деньги входили въ государство; а мнѣ и тамъ торгъ былъ весьма невыгоденъ. Сверхъ того, еще за многіе отъ здѣшняго порта отпускаемые товары, сколько мнѣ извѣстно, не малая сумма донынѣ отъ иностранныхъ не заплаченныхъ осталась, чему чаятельно способствовали также настоящія обстоятельства Англіи“.

рѣшительно и горячо возстаеъ противъ легкаго отношенія къ возвращающимся ассигнаціямъ, ибо „дозволеніе“, по его мнѣнію, наводнить русскій рынокъ фальшивыми ассигнаціями, надѣланными „въ чужихъ государствахъ“. При этомъ Воронцовъ ссылается на изданные уже многіе указы о запрещеніи ввоза въ Россію „монеты російскаго чекана“, „дабы фальшиво поддѣльные монеты ввозимы не были“; отсюда же—логическій путь къ запрещенію ввоза въ Россію ассигнацій ¹⁾).

Клингштетъ представилъ болѣе детальный перечень „причинъ“ паденія курса, чѣмъ первые два „совѣтника“. На этомъ перечислѣ лежить печать и болѣе знакомаго автора съ тѣми коммерческими оборотами, которые, по мнѣнію Клингштета, должны были вредно повліять на вексельный курсъ. Въ первую голову въ качествѣ причины „униженія“ курса Клингштетъ ставитъ задержку платежей англійскими конторами, „кои обыкновенно прежде покупывали російскіе продукты по контрактамъ“; эти конторы „обыкновенно“ нѣкоторую часть денегъ вносили впередъ, а „при полученіи товаровъ“ „уплачивали“ „всю сумму“; не то случилось „въ нынѣшнемъ“ году: англійскія конторы, „по причинѣ нѣкоторыхъ затрудненій, не дѣлали такихъ на Голландію переводовъ, но болѣе искали у російскихъ купцовъ кредита, который и получили“. Все это Клингштету представляется „несомнительнымъ“, ибо, по его собственному признанію, онъ руководствовался сообщеніями „многихъ знатныхъ здѣшнихъ купцовъ“. Сверхъ того, Клингштетъ считаетъ „извѣстнымъ“, что англійскій торгъ въ Россіи „простирается ежегодно болѣе нежели на 6.000.000 рублей“.

¹⁾ Изъ разсужденія Воронцова: „...не болѣе ли опасенія настонтъ въ дозволениі обратной присылки въ Россію банковыхъ ассигнацій, которыя поддѣлывать, конечно, не трудно? Монета, какъ бы она цѣною низка ни была, составляетъ однакожъ нѣкоторое достоинство въ серебрѣ и золотѣ; но ассигнація, яко изъ одной бумаги состоящая, буде не здѣшняя, уноситъ всю представляемую ею сумму безвозвратно“. И далѣе: „и если въ томъ крайней не предпріять осторожности и осмотрительности, то прежде нежели сей вредъ на практикѣ усмотрится, такъ много ихъ навезано быть можетъ къ крайнему государственному убытку, что и нѣсколькими милліонами олатиться будетъ не можно. А какъ ассигнаціи представляютъ не что иное какъ здѣшнюю монету и единственно для внутренняго обращенія установлены; здѣшней же монеты вышедшей за границу впускать обратно не велѣно; то безъ всякаго нарушенія и поврежденія кредита на ассигнація и ихъ обращеніе ограничить можно и должно на тотъ же самый предметъ, для котораго онѣ сдѣланы, т.-е. единственно для внутренняго употребленія; слѣдовательно, и привозъ ихъ наизвъ въ государство, конечно, запретить надлежитъ такъ, какъ о монетѣ предписано“.

Исходя изъ этихъ фактовъ, Клингштетъ далѣе рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, если положимъ, что 3-я часть оной суммы, которая обыкновенно прежде въ наличности уплачиваема была, въ нынѣшнемъ году осталась не заплаченною, то должна уже сія сумма, отъ 1 до 2 милліоновъ состоящая, сильное имѣть вліяніе на денежный курсъ и весьма способствовать къ униженію онаго“. Затѣмъ Клингштетъ указываетъ на значительное уменьшеніе въ этомъ же году „вывоза желѣза, великое количество“ котораго „здѣсь осталось“. Это—тоже фактъ, который „способствуетъ купно съ разными иными причинами къ нынѣшнему униженію денежнаго курса“. Къ паденію курса ведетъ также уменьшеніе торго въ Архангельскѣ; Клингштетъ сообщаетъ: „За подлинно утверждаютъ, что въ семь годъ отпущено оттуда російскихъ продуктовъ въ сравненіи противъ прошлыхъ годовъ, по цѣнѣ сверхъ $\frac{1}{2}$ милліона рублей менѣе и на толикую сумму остались тамъ же не проданными“. Прежде чѣмъ отвѣтить на извѣстный вопросъ сената объ ассигнаціяхъ, Клингштетъ самъ ставитъ вопросъ о поддѣлкѣ русской монеты за границей: „Не побуждены ли корыстолюбивыя какіе злостные люди въ чужихъ краяхъ къ поддѣлыванію нашей рублевой монеты?“ И мотивируетъ этотъ вопросъ: „поелику извѣстно, что есть многія мѣста, въ коихъ всѣ сорта монеты наточнѣйше поддѣлываютъ“. Несомнѣнно авторъ убѣжденъ, что привозъ въ Россію изъ-за границы фальшивой русской монеты тоже вредно долженъ вліять на состояніе нашего вексельнаго курса. Нечего и говорить, что привозъ русскихъ ассигнацій въ Россію Клингштетъ считаетъ вреднымъ, совѣтуя, конечно, его запретить на томъ же основаніи, на какомъ запрещенъ ввозъ вообще „всѣхъ російскихъ денегъ“¹⁾. Далѣе Клингштетъ сообщаетъ „слухъ“, при томъ „всеобщій“, который носился „между здѣшними (вѣроятно, петербургскимъ) купечествомъ“, „что торопецкіе, великолукскіе и другіе російскіе купцы закупили на Лейпцигской ярмаркѣ чрезмѣрно большое количество иностранныхъ товаровъ“. „Итакъ—продолжаетъ Клингштетъ—если сіи обстоятельства справедливы, то изъ того ясно явствуетъ, что нынѣшняго года чрезвычайно великій чрезъ тѣ мѣста былъ привозъ иностранныхъ товаровъ“; это тоже „непремѣнно способствовало“ упадку

¹⁾ Такъ же, какъ и гр. Воронцовъ, Клингштетъ полагаетъ, что это запрещеніе не подорветъ русскаго государственнаго кредита, ибо ассигнаціи „не для употребленія въ Россіи, но единственно для облегченія денежнаго внутри государства обращенія установлены“.

курса и тоже „совокупно съ прочими вышепрописанными причинами“. „Нижепрописаны“ еще двѣ причины. Одна обычная: „умноженіе контрабанды и чинимые при таможенныхъ подлоги“; эти явленія вредно отзываются на нашемъ балансѣ, а отъ неблагопріятнаго баланса зависятъ и пониженіе вексельнаго курса. Другая причина необычная, на которую не указали товарищи Клингштета: „учинившееся въ теченіе 10 или 12 лѣтъ умноженіе“ бумажныхъ денегъ въ Россіи. Сенатъ не спрашивалъ объ этомъ „обстоятельствѣ“, онъ спросилъ только о влияніи на вексельный курсъ возвращающихся изъ-за границы русскихъ ассигнацій, но чрезъ то косвенно какъ бы наводилъ на разсужденіе о томъ, какое влияніе на вексельный курсъ оказываетъ вообще увеличеніе количества „тѣхъ бумажекъ, которыя, имѣя съ деньгами равную цѣну, нынѣ въ обращеніи находятся“. Клингштетъ смотритъ отрицательно на увеличеніе бумажныхъ денегъ и не считаетъ нужнымъ скрывать свой взглядъ: „Да дозволено будетъ—говорить онъ въ заключеніе своихъ примѣчаній,—присовокупить еще къ сему разсужденію объ обстоятельствѣ, которое, по мнѣнію моему, заслуживаетъ также сочтено быть причиною, какъ умножающагося годъ отъ году великаго расхода иностранныхъ товаровъ, такъ и происходящаго отъ того униженія денежнаго курса“. Смыслъ „разсужденія“ объ этомъ „обстоятельствѣ“, т.-е. объ „умноженіи“ въ государствѣ бумажныхъ денегъ, сводится къ тому, что бумажныя деньги, какъ и всякій товаръ, будучи предлагаемы въ большемъ количествѣ, чѣмъ слѣдуетъ, вызываютъ возникновеніе извѣстнаго лажа при размѣнѣ на звонкую монету, понижаются въ цѣнѣ, а цѣны на многіе товары и на рабочія руки возвышаются; отъ возвышенія же внутреннихъ цѣнъ увеличивается ввозъ иностранныхъ товаровъ, отъ чего страдаютъ балансъ и вексельный курсъ; таковъ въ общихъ чертахъ ходъ мысли Клингштета, очевидно, убѣжденнаго, что вексельный курсъ находится въ извѣстной зависимости отъ курса на бумажныя деньги ¹⁾).

¹⁾ Изъ „разсужденія“ Клингштета: „Отъ ... умноженія денегъ естественно послѣдовало возвышеніе цѣнъ, какъ на многіе товары, такъ и на работу ремесленныхъ людей“. И далѣе: „Деньги... равную имѣютъ судьбу съ прочими товарами, которыхъ цѣна тотчасъ уменьшается, какъ скоро количество оныхъ умножится. Принявъ такое положеніе за истинное, не трудно будетъ истолковать, для чего и бумага равную съ деньгами цѣну имѣющая въ то время когда гораздо большія оныхъ суммы обращаются, нежели какъ то за 10 или 12 лѣтъ было, въ низшей цѣнѣ состоитъ по курсу“.

10-го октября 1779 года состоялось засѣданіе комиссіи о коммерціи, на которомъ были доложены всѣ эти „примѣчанія“—гр. Эрнста Миниха, Воронцова и Клингштета. Несмотря на коренную разницу въ точкахъ зрѣнія между первымъ и остальными двумя изъ высказавшихся, двое, не представившіе своихъ „примѣчаній“, увѣдомили комиссію о своей солидарности съ мнѣніями ихъ товарищей. Х. С. Минихъ и М. А. Красильниковъ „объявили, что они, будучи съ вышеозначенными примѣчаніями одинаковаго мнѣнія, почитаютъ за излишнее что-либо особо сообщить комиссіи о сей матеріи“. Выслушавъ это заявленіе, комиссія постановила: „примѣчанія“ за подписаніемъ „каждаго кѣмъ какое сочинено“ „взнести“ въ сенатъ при особомъ „доношеніи“. Комиссія сочла необходимымъ отъ своего лица особо отвѣтить на вопросъ, поставленный сенатомъ, и этотъ отвѣтъ явился главнымъ предметомъ ея „доношенія“, суть котораго въ слѣдующемъ: комиссія считаетъ весьма вреднымъ ввозъ въ Россію банковыхъ ассигнацій; разъ „строжайше“ запрещенъ ввозъ обратно російской монеты, то „тѣмъ болѣе еще слѣдуетъ запретить присылку помянутыхъ ассигнацій обратно въ Россію“; „комиссія о коммерціи за долгъ себѣ считаетъ правительствующему сенату примѣтить, что дальнѣйшее поощреніе ввозу сюда ассигнацій можетъ навлечь вящее еще униженіе курса: и ежели оныхъ навезено будетъ на великія суммы, то сильное отъ того послѣдуетъ отягощеніе для государства, особливо въ расчетахъ его по торгу съ прочими иностранными государствами“. Успокоительное мнѣніе объ ассигнаціяхъ гр. Эрнста Миниха, какъ видно, осталось не раздѣленнымъ, и онъ, подписавшись подъ своимъ „примѣчаніемъ“, подписался и подъ „особымъ доношеніемъ“ комиссіи ¹⁾. Такъ опредѣленно и рѣшительно высказалась комиссія по специальному вопросу, поднятому сенатомъ; хотя косвенно этимъ самымъ не одобрялось „умноженіе“ ассигнацій въ государствѣ и инымъ, легальнымъ путемъ, но, тѣмъ не менѣе, комиссія не сочла удобнымъ отъ себя повторить относящееся сюда „разсужденіе“ Клингштета ²⁾.

¹⁾ Доношеніе сенату о „примѣчаніяхъ“ и о заключеніи комиссіи было подписано 16-го октября (1779 г.) гр. Эрнстомъ Минихомъ, гр. Алекс. Воронцовымъ, гр. Христофоромъ Минихомъ, Тимосеемъ фонъ-Клигштетомъ, Матвѣемъ Красильниковымъ и директоромъ (правителемъ) канцеляріи Иваномъ Долгичскимъ.

²⁾ Эти свидѣнія взяты изъ дѣлъ архива департамента таможенныхъ сборовъ, № 587, связка 31 и № 657, связка 38.

III.

Въ 1784 году явилось новое „разсмотрѣніе“ причинъ паденія вексельнаго курса, съ тою же цѣлью, съ которою этотъ вопросъ поднимался раньше. Президентъ коммерцъ-коллегии и членъ комиссіи о коммерціи гр. А. Р. Воронцовъ передалъ послѣдней порученіе императрицы обсудить вопросъ о пониженіи вексельнаго курса до 36¹/₄ стивер. на 1 руб. серебромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Воронцовъ представилъ вниманію комиссіи какую-то записку о томъ же вопросѣ¹⁾. Комиссія о коммерціи сначала высказала разныя соображенія о причинахъ паденія курса, отмѣчая, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: „тѣ иногородные російскіе купцы, которые занимаются выписываньемъ иностранныхъ товаровъ и кои особливо привозятъ оныя чрезъ пограничныя таможи, много способствуютъ униженію курса незнаемъ своимъ и торопливостью въ переводѣ денегъ“. — Затѣмъ комиссія перешла къ „средствамъ“. Для того, чтобы помочь горю, комиссія не знаетъ „другого средства“, какъ лучшей надзоръ „въ пограничныхъ таможахъ, чѣмъ самымъ сей торгъ долженъ будетъ уменьшаться; а чтобы онымъ купцамъ какими-либо узаконеніями назначать, чрезъ кого и когда деньги свои переводить въ чужіе края, то приступить къ здѣланію того было бы кажется столько же неудобно, сколько и излишне“. Комиссія не распространялась о средствахъ и способахъ къ исправленію вексельнаго курса: на этотъ разъ она „вовсе не нашла способовъ, къ возвышенію онаго курса нынѣ содѣйствовать могущихъ“, и сочла нужнымъ и полезнымъ оставить „настоящее теченіе общей здѣшняго государства торговли, безъ сооруженія какихъ-либо постановленій, къ перемѣнѣ того клонящихся“.

Это заключеніе комиссіи о „способахъ“ заставляеть думать, что въ ея общихъ понятіяхъ о международной торговлѣ восторжествовалъ принципъ „laisser faire, laisser passer“. Однако теченіе нашей внѣшней торговли далеко не удовлетворяло непосредственно заинтересованныхъ въ ней лицъ — самихъ торговцевъ, и они, напротивъ, сильно помышляли о „сооруженіи“ такихъ постановленій, каковыя были бы способны сдѣлать это „теченіе“ инымъ, болѣе благоприятнымъ для вексельнаго курса Россіи. Послѣдній сдѣлалъ новый и при

1) Къ сожалѣнію, въ изучаемомъ „дѣлѣ“ я не встрѣтилъ ни этой записки, ни экстракта изъ нея.

томъ серьезный скачекъ внизъ въ 1788 году. Въ этомъ году придворный банкиръ баронъ Сутерландъ получилъ французское письмо отъ 19 торговыхъ фирмъ, торгующихъ „съ Россійской стороны“ (10 иностранныхъ и 9 русскихъ); въ купеческомъ письмѣ было заявлено о постоянныхъ переменахъ и паденіи вексельныхъ курсовъ въ Петербургѣ и Москвѣ: курсы понизились внезапно и очень сильно, несмотря на обиліе всякихъ товаровъ, приготовленныхъ къ отпуску. Купцы, подписавшіе письмо, не требовали изслѣдованія причинъ необыкновеннаго паденія вексельныхъ курсовъ—они желали указать на вредныя послѣдствія этого печальнаго явленія, не только для нихъ, но и для всѣхъ торговцевъ имперіи и даже для кредита Россіи; купцы отмѣчали, что паденіе курсовъ и до послѣдняго момента приносило убытки, но теперь эти убытки весьма увеличились и приводятъ къ разоренію многихъ торговцевъ. Далѣе заявлялось объ ожиданіи гораздо болѣе тяжелыхъ послѣдствій, если не будетъ принято мѣръ къ устраненію критическаго положенія вещей на петербургской биржѣ. Апеллируя къ знаніямъ банкира Сутерланда ¹⁾ и къ его положенію, купцы просили его составить планъ, пригодный для возстановленія и утвержденія общественнаго кредита, просили постараться объ урегулированіи вексельныхъ курсовъ ²⁾.

¹⁾ Баронъ Сутерландъ пользовался репутаціей искуснаго финансоваго дѣятеля. Такимъ онъ былъ представленъ императрицѣ и генералъ-прокуроромъ княземъ Явлинскимъ въ „рапортѣ о заграничныхъ платежахъ и суммахъ“ отъ 28-го декабря 1786 года (Сборникъ Импер. Русск. Ист. общ. XXVIII, стр. 292).

²⁾ Отъ 19 торговыхъ фирмъ придворному банкиру Сутерланду: Monsieur! C'est déjà depuis quelques mois, que les variations continuelles des cours de change tant ici qu'à Moscou ont menacé une baisse sensible, contre la quelle il ne restoit pas d'autre espérance, si non que le tems de la navigation et de l'exportation des Marchandises Russes auroit une influence assez favorable sur les cours pour en empêcher une baisse trop désavantageuse. Cependant toutes les attentes du public commerçant ont été malheureusement trompées. Depuis peu de semaines, au milieu de la saison la plus active du commerce, et tandis qu'il y a une abondance de toutes sortes de marchandises et de productions de ce pays, les cours sont tombés soudainement à un tel point, qu'il y a actuellement Vingt pour cent de difference sur la Hollande et Trente pour cent sur l'Angleterre au désavantage de la Russie entre les cours d'aujourd'hui et ceux qu'il y avoit au commencement de l'année et au milieu de l'hiver. Nous ne prétendons point entrer dans une discussion des causes de cette baisse énorme. Notre unique intention est de Vous représenter en peu de mots la grandeur du mal et les suites dangereuses qui en resultants non seulement pour nous soussignés, mais pour tous les commerçans dans cet empire. Elles menacent la ruine au credit de la nation même.

Письмо такого содержанія вызвало новое обширное „дѣло“ о вексельномъ курсѣ Россіи.

Бвдѣ нельзя было помочь быстро, сразу, какъ, повидимому, считывали купцы, любезно освобождавшіе придворнаго банкира отъ изслѣдованія „причинъ“ и просившіе только „средствъ“. Не разъ предпринимавшееся изслѣдованіе „причинъ“, не мѣшавшее вексельному курсу сильно колебаться и понижаться, повидимому, было для купцовъ совѣтъ не интересно; но, съ другой стороны, было бы рискованно прямо приступить къ изысканію „средствъ“ для „исправленія“ нашего вексельнаго курса, не узнавъ хорошенько „причинъ“ его ненормальнаго состоянія; по крайней мѣрѣ, Сутерландъ лично не взялъ на себя составленіе „плана“, о которомъ его просили купцы: онъ ограничился лишь тѣмъ, что вопросъ, поднятый купцами, передалъ официальнымъ порядкомъ дальше,—въ руки лица, призваннаго заботиться о преуспѣваніи русской торговли ¹⁾.

17-го іюля Сутерландъ, въ свою очередь, написалъ президенту коммерцъ-коллегіи гр. Воронцову письмо, которымъ дѣло собственно и представлялось компетенціи этого послѣдняго. Въ своемъ письмѣ Сутерландъ подтверждалъ сѣтованіе торговцевъ на тяжелое положеніе с.-петербургской биржи, сдѣлавшейся чрезвычайно чувствительной и породившей просительное письмо отъ ея крупныхъ дѣятелей: купеческое письмо-де имѣло цѣлью побудить его, Сутерланда, къ ходатайству о дѣлѣ, „столь важномъ для торговли, національнаго

Les dommages, que la baisse des cours a déjà causé jusqu'à ce jour sont très considérables; elles le sont à un point de devenir insupportables et funestes à plusieurs commerçans. Mais il a des suites infiniment plus funestes encore à craindre, à moins qu'on ne trouve des moyens pour arrêter le mal et pour empêcher un discredit universel tant au dedans qu'au dehors de l'Empire, surtout dans l'Epoque présente.

Nous, Nous rapportons à vos propres lumières, Monsieur, pour vous représenter la grandeur du danger qui nous menace. Votre situation vous fournit les moyens de former et de proposer, ou il appartient, un plan convenable pour rétablir et rassurer le crédit du public, en tachant de rapprocher les cours du change de leur équilibre.

Письмо помѣчено 5-мъ іюля (1788 г.).

¹⁾ Сутерландъ свидѣтельствуеть, что онъ раньше уже представлялъ по этому предмету разныя записки: „Leurs raisons ne sont que trop bien établies, leurs craintes très fondées et les différents mémoires que j'ai déjà eu l'honneur de rendre à ce Sujet prouvent que depuis longtems j'ai senti le mal et désiré avec ardeur qu'il y soit remédié efficacement“ (изъ письма банкира Сутерланда къ гр. Воронцову по поводу купеческаго донесенія о критическомъ положеніи петербургской биржи).

кредита и правленія“¹⁾). Посылая купеческое письмо Воронцову, Сутерландъ въ своемъ высказался въ томъ смыслѣ, что никто лучше президента коммерцъ-коллегии не справится со „столь важнымъ“ дѣломъ. Блестательными комплиментами по адресу гр. Воронцова Сутерландъ какъ бы стремился зажечь въ коммерцъ-коллежскомъ президентѣ спасительное для русской коммерціи честолюбіе²⁾).

Получивъ отъ придворнаго банкира означенныя два письма, Воронцовъ пожелалъ узнать мнѣніе эксперта по затронутому вопросу. Такимъ экспертомъ по заграничной торговлѣ въ С.-Петербургѣ считался маклеръ Генрихъ Людвигъ Меэръ, потому что услугами его купцы наиболѣе пользовались въ своихъ дѣлахъ по денежнымъ переводамъ за границу. Отъ этого Меэра Воронцовымъ и были истребованы „примѣчанія о торговлѣ въ С.-Петербургѣ въ 1788 г.“³⁾. Содержаніе этихъ „примѣчаній“ слѣдующее. Сначала отмѣчается прогрессъ въ торговлѣ петербургскаго порта. Уже къ концу іюня сюда пришло 567 кораблей: съ самаго основанія с.-петербургскаго порта не было подобнаго примѣра; можно было бы ожидать возвышенія курса, а между тѣмъ онъ упалъ до 32 стиверовъ на Амстердамъ; такого низкаго курса никогда еще не бывало. Далѣе указывается вліяніе, какое можетъ возымѣть паденіе курса на состояніе русскаго кредита за границей. Европа, поскольку ея дѣла связаны съ дѣлами Россіи, удивится и устрашится, вслѣдствіе чего поколеблется тотъ кредитъ, которымъ пользовались за границей русскія и иностранныя, основавшіяся въ Россіи, купеческія конторы; это, въ свою очередь, можетъ повлечь за собой банкротства. Твердыя мѣры для поправленія курса необходимы немедленно: чѣмъ далѣе откладывать, тѣмъ менѣе шансовъ на успѣхъ; успѣхъ этотъ, при данныхъ обстоятельствахъ, вообще трудно достижимъ, но авторъ надѣется на

¹⁾ Изъ письма Сутерланда: „La situation alarmante dans la quelle nos cours de change se trouvent depuis quelque tems, à fait une telle sensation à notre bourse, qu'un assez grand nombre de negociants s'est reuni en corps pour m'adresser la lettre... annexée, dont le but est de me porter à plaider une cause aussi importante pour le commerce le credit de la nation et le Gouvernement“.

²⁾ „...Personne mieux que Vous, monsieur le comte, ne sauroit operer un changement et une restauration si absolument nécessaire au bien du Commerce et important au Gouvernement. Le service que Votre Excellence rendra... au corps de Negociants et je puis dire à tout l'Empire est inappreciable; les premiers surtout lui devront une nouvelle prosperité, en un mot il est digne d'un aussi grand Ministre“.

³⁾ Ар. д. т. сбор., Д. к. о ком., № 657, связка 38, № 637, связка 37.

опытность придворнаго банкира барона Сутерланда, уже показавшаго свое умѣніе въ изобрѣтеніи операцій для поднятія курса. Послѣ указаній общаго характера предлагаются наблюденія и сужденія, болѣе спеціальныя, цѣль которыхъ обратить вниманіе на опасность отъ нѣкоторыхъ подиѣченныхъ явленій. Опасность для вексельнаго курса идетъ отъ поступленій чрезъ Польшу большихъ суммъ золотомъ въ нашу граничную армію. Поставщики золота въ граничную армію, обмѣнивающіе тамъ золото на ассигнаціи, производятъ выгодную для себя операцію ¹⁾. Мезеръ замѣтилъ, что въ іюні мѣсяцѣ въ Петербургъ привезли изъ Москвы 1.000.000 руб. ассигнаціями; изъ этой суммы ббольшая ея часть, по предположенію Мезера, представляетъ деньги съ поставленныхъ въ армію червонцевъ; банковыя ассигнаціи, вырученныя отъ продажи червонцевъ въ арміи, въ большомъ количествѣ поступаютъ на петербургскую биржу „для перевода“; иначе говоря, на эти ассигнаціи покупаются на петербургской биржѣ векселя, которые и пересылаются за границу для уплаты ими за червонцы; эти переводы грозятъ вѣщимъ пониженіемъ вексельному курсу Россіи; при чемъ наибольшая опасность курсу отъ указанной спекуляціи можетъ возникнуть, по мнѣнію Мезера, въ августъ и сентябрь, когда придется дѣлать денежные переводы въ Лейпцигъ, на ярмарку; вдобавокъ и переводы-то въ настоящемъ году предстоятъ болѣе значительныя, чѣмъ обыкновенно, и причина этому та, что надо будетъ платить по прежнимъ долговымъ обязательствамъ: лейпцигскія купеческія конторы въ ярмарку минувшаго года дали русскимъ купцамъ отсрочку до слѣдующей ярмарки въ ихъ платежахъ по просроченнымъ уже векселямъ; эта отсрочка была дана русскимъ купцамъ въ уваженіе низкаго курса.

Таково содержаніе „примѣчаній“ петербургскаго маклера Мезера ²⁾. Эти „примѣчанія“ любопытны, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что петербургскій маклеръ, признанный тогда знатокомъ коммерческихъ и кредитныхъ операцій, констатируетъ два факта. Во первыхъ, своего рода биржевую игру на пониженіе ассигнацій; поводомъ къ этой игрѣ послужилъ спросъ на золото въ русской граничной арміи; начавшееся пониженіе курса за границей на русскія банковыя ассиг-

¹⁾ Мезеръ свидѣтельствуетъ, что червонецъ въ арміи, „если то правда“, стоитъ 5 рублей: при этой цѣнѣ поставщикъ можетъ довольствоваться курсомъ въ 25 стиверовъ, ибо, за вычетомъ $\frac{1}{4}$ лажу, онъ получаетъ $128\frac{3}{4}$ стивера за червонецъ, купленный имъ въ Голландіи самое большее за 110 стиверовъ.

²⁾ Ар. д-та там. сбор., Д. к. о ком., № 687, связка 87.

нація, какъ послѣдствіе паденія вексельнаго курса Россіи, усилилось подъ вліяніемъ спроса на червонцы въ русской заграничной арміи; отсюда получилась отчетливая разница между заграничнымъ и петербургскимъ курсами на ассигнаціи, и сдѣлалось заманчивымъ спекулировать на эту разницу, охотники на что сейчасъ же и нашлись.

Второй фактъ, отмѣчаемый Мезромъ, это—затрудненіе, которое начали испытывать наши купцы въ заграничныхъ платежахъ: увеличеніе ихъ задолженности предъ иностранцами.

Кн. Воронцовъ, очевидно, доложилъ императрицѣ о критическомъ положеніи нашего курса, заграничныхъ переводовъ и торговли. По крайней мѣрѣ, изъ дѣла (1788 года) видно, что Воронцовъ письменно объявилъ комиссіи о коммерціи волю императрицы, дабы комиссія „вошла въ изысканіе всѣхъ обстоятельствъ“, отъ коихъ такъ низко упалъ вексельный курсъ; при этомъ Воронцовъ представилъ въ комиссію какъ оба письма—купцовъ и бар. Сутерланда, такъ и „примѣчанія“ Мезра. Комиссія, разсмотрѣвъ старый вопросъ, составила для императрицы новый докладъ „о сей самой матеріи“. Въ этомъ своемъ докладѣ комиссія вспомнила о прежнихъ „разсмотрѣніяхъ“, отмѣтивъ попутно время, съ котораго началось пониженіе вексельнаго курса Россіи. Въ докладѣ мы читаемъ: „О сей самой матеріи въ прошлыхъ 1779 и 1784 годахъ, съ которыми курсъ упалъ сталъ хотя и не до той степени, какъ нынѣ, многія съ сей комиссіи происходили *разсужденія*“. Далѣе констатируются противорѣчивые факты этого (1788) года: никогда еще вексельный курсъ Россіи такъ низко не падалъ („а именно“ до „32¹/₂, 32, 31 и на послѣдокъ 30¹/₄ штиверовъ на рубль“), при чемъ паденіе продолжалось даже „въ самое ярмарочное время“, а между тѣмъ торговали очень оживленно ¹⁾; „пронизшествіе въ курсѣ“ комиссіи представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что „въ навигацію сего года“ отъ одного с.-петербургскаго порта было „отпущено за море“ однихъ главнѣйшихъ русскихъ товаровъ „болѣе нежели на 16 мил. рублей“ ²⁾, а вѣстѣ со *второстепенными*, по предположенію комиссіи („уповательно“), на сумму „до 20 мил. рублей“. О привозныхъ товарахъ въ данный моментъ комиссія не имѣла „подроб-

¹⁾ „... въ исходѣ минувшаго іюля болѣе 700 купеческихъ кораблей, всего-жъ до закрытія Невы дѣлая 1000 оныхъ въ приходѣ было къ одному с.-петербургскому порту“.

²⁾ Комиссія перечисляетъ главнѣйшіе предметы русскаго экспорта, „какъ-то: пенька, ленъ, желѣзо, сало, сѣмя льняное и конопляное, масло такое же, юфть, рвендухъ, коломенка, фламское и парусное полотно“.

ныхъ свѣдѣній¹⁾; однако, она полагаетъ („по всѣмъ вѣроятіямъ“), что сумма привозныхъ „будетъ несравненно менѣе отпускныхъ“.

Таковы противорѣчивые факты: небывалый еще упадокъ курса и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательное оживленіе заграничнаго оборота съ вѣроятнымъ перевѣсомъ баланса на російскую сторону. Отмѣтивъ эти факты, докладъ увѣдомляетъ императрицу о томъ, что комиссія имѣла совѣщаніе съ нѣкоторыми „изъ знатнѣйшихъ, здѣсь торгующихъ“, русскихъ и иностранныхъ купцовъ, равно какъ „не меньше“ „и съ лучшими маклерами“; что „вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія“ „вошла въ новое изслѣдованіе о толь важномъ для всей російской торговли, такъ и для государственнаго интереса, обстоятельствѣ, тѣмъ наче, что рубль въ продолженіе столь низкаго курса сталъ уже при переводѣ на иностранныя деньги оцѣниваться ниже внутренняго своего достоинства, т.-е. меньше, нежели чего стоитъ истинная доброта онаго“. Приступая къ изслѣдованію причинъ означеннаго „важнаго обстоятельства“, комиссія еще разъ подчеркиваетъ фактъ даже „небывалаго“²⁾ оживленія торговли при с.-петербургскомъ портѣ въ минувшую навигацію; комиссія свидѣтельствуетъ, что пришедшіе сюда иностранныя корабли отправились отсюда далеко не порожними: пришло „997 кораблей, которые всѣ отправились отсюда съ нагруженными російскими товарами и продуктами“; изъ этого „надлежитъ заключить, какъ то и дѣйствительно правда, что отпускной нашъ торгъ примѣтнымъ образомъ ежегодно возрастаетъ“; а такъ какъ „с.-петербургская торговля“, свидѣтельствуетъ далѣе комиссія, „составляетъ болѣе нежели $\frac{2}{3}$ всего торгова въ государствѣ“, то естественно, „непомѣрный“ упадокъ курса является какимъ-то страннымъ противорѣчіемъ благоприятному для Россіи движенію этой торговли. Комиссія вникла въ причины упадка вексельнаго курса, и вотъ какія указанія она дала по этому вопросу въ разсматриваемомъ докладѣ.

1) Съ того времени, какъ за таможенными, особенно Петербургской губерніи, былъ установленъ строгій надзоръ „подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Даля“³⁾, въ с.-петербургскій портъ

¹⁾ Эти свѣдѣнія имѣтъ „еще не можно никакъ какъ въ послѣдующемъ годѣ, за многими украшеніями“ таможи.

²⁾ Комиссія отмѣчаетъ: „никогда не случалось толь великаго прихода къ здѣшнему порту“ иностранныхъ купеческихъ кораблей, какъ именно въ „минувшее мореплаваніе“.

³⁾ „Смотрѣніе“ за таможенными было настолько строго, что „имъ мало отъ нихъ, какъ видно, не стало чванится послабленія“.

начали привозить изъ-за моря и объявлять въ таможиѣ „по большей части тяжеловѣсные только товары“¹⁾, „кон по тяжести своей къ потаенному привозу неудобны“; товары же не „тяжеловѣсные“, но дорогіе, большею частью „служащія“ „къ одной только роскоши“²⁾, выписываются торговцами въ Россію и „здѣсь въ продажу производятся“, но о значительномъ привозѣ ихъ въ „Вѣдомостяхъ“ с.-петербургской таможи не значится; откуда „полагать должно“, что такіе товары „входятъ сюда мимо портовъ побочными какими-нибудь средствами, и едва-ли не всѣ съ похищеніемъ пошлиннаго дохода“; при этомъ, благодаря сильно упавшему курсу, контрабандные товары продаются въ Россіи по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ раньше; а повышение цѣнъ „не отвлекаетъ“ „здѣшнихъ до щегольства охотниковъ“ отъ покупокъ предметовъ роскоши. 2) Причиной упадка вексельнаго курса является также „потаенный черезъ пограничныя таможи провозъ въ Россію сухимъ путемъ... въ большомъ количествѣ нѣмецкихъ и французскихъ товаровъ“. Эта потаенная торговля ведется изъ Бреславля и Лейпцига³⁾, въ ней „сколько извѣстно“ участвуютъ, „какъ московскіе, такъ и многіе иногородніе купцы“; торговля эта „годъ отъ году умножается и едва-ли не пожираетъ нарочитую часть баланса нашего по торгу“...

Развитіе контрабандной торговли указанными путями „доказывается великимъ числомъ денегъ, которыя въ биржевые дни нерѣдко переводятся за море посредствомъ векселей черезъ маклеровъ покупаемыхъ“: часто случалось, что „такіхъ переводимыхъ денегъ“ изъ внутренней Россіи на биржу поступало „вдругъ до нѣскольکو сотъ тысячъ рублей“ для заграничныхъ платежей „за тѣ самые товары“. 3) „Пресѣченіе“ торговли съ Китаемъ въ Кяхтѣ тоже способствовало нашей большей задолженности по европейскому торгу, а, слѣдовательно, и пониженію нашего вексельнаго курса. До тѣхъ поръ, пока существовала русская торговля съ китайцами „на Кяхтѣ“, „купцы наши доставали чай и другіе китайскіе товары въ промѣнъ за наши продукты“; при чемъ русскіе купцы не только удовлетворяли спросъ на китайскій чай въ Россіи, но и отпускали излишекъ, оставшійся отъ внутренняго употребленія, за границу, — въ Польшу и другія мѣста

¹⁾ „Какъ-то: брусковая краска, разныя сукны и полусукны, красное дерево, кофе, пиво, портеръ, всякіе виноградные напитки“...

²⁾ „...всякія шелковыя дорогія матеріи, многоцѣнныя галантерейныя“.

³⁾ „...и конечно не иначе, какъ съ похищеніемъ казенныхъ пошлинъ“...

съ довольною для себя прибылью“; съ пресѣченіемъ же означеннаго кяхтинскаго торгоа пришлось выписывать чай изъ Европы, и иначе быть не могло, ибо „употребленіе“ чая, поясняетъ комиссія, „здѣсь (въ Россіи) сдѣлалось весьма общимъ“; за чай, получаемый отъ европейскихъ посредниковъ, русскіе купцы были принуждены платить уже деньгами, а не товарами, ибо „тѣ товары, которыми купцы наши мѣнялись на чай съ китайцами, не могли въ платежѣ идти европейцамъ“: послѣднимъ „тѣ товары“ не такъ были нужны, какъ китайцамъ; такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ получилаcя „весьма значущая сумма“, которую необходимо заплатить за привезенный изъ Европы чай; эта сумма представляетъ „новый прибавокъ къ суммѣ привозныхъ въ Россію товаровъ“ и имѣетъ серьезное значеніе „въ расчетахъ нашихъ по торгу“: эта сумма, истраченная на чай, „въ балансѣ нашемъ должнаствовала произвести чувствительную разность“. 4) Платежи по расходамъ на русскую армію за границей тоже содѣйствовали пониженію курса: „большая часть провизій, товаровъ и вещей“ для арміи „покупаема была не въ Имперіи Вашей, за что натурально и платежи производимы были или монетою, или посредствомъ векселей“,—а векселя должны были приходиться „на здѣшнюю же биржу для уплаты“; это, впрочемъ, „и неизбежно въ военное время“, оговаривается комиссія. И, наконецъ, 5) указанная маклеромъ Мезромъ червонно-ассигнаціонная спекуляція также была принята во вниманіе комиссіей, какъ одна изъ причинъ упадка вексельнаго курса; „въ этомъ случаѣ комиссія преимущественно руководилась тѣмъ, что она слышала о спекулянтахъ червонцами: „многіе изъ иностранцевъ,—сообщаетъ комиссія,—какъ слышно, привозили червонные къ арміямъ Вашего Императорскаго Величества и съ великою прибылью продавали ихъ на банковыя ассигнаціи“; эти ассигнаціи затѣмъ пересылались на петербургскую же биржу, гдѣ на нихъ покупались векселя „для заплаты тѣхъ выписываемыхъ ими (иностранными спекулянтами) червонцевъ,—и сколько извѣстно отъ многихъ торгующихъ и маклеровъ, происходило на биржѣ въ теченіе сего года отиѣнное количество таковыхъ переводовъ“¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько раньше, но въ томъ же (1788) году, въ придворномъ совѣтѣ обсуждались 2 записки придворнаго банкира Сутерланда „о множествѣ находящагося въ Лейпцигѣ и Голландіи здѣшнихъ государственныхъ ассигнацій“. Со-славились на „многіе указы“, запрещавшіе вывозъ въ чужіе края и ввозъ въ Рос-сію русской монеты, и на манифестъ 8-го октября 1780 года, распространившій это запрещеніе и на ассигнаціи, совѣтъ далѣе рекомендовалъ самое бдительное

Таковъ діагнозь болѣзни нашего вексельнаго курса, на этотъ разъ поставленный комиссіей послѣ консультаціи со свѣдущими людьми—купцами и маклерами. „Всѣ вышеозначенныя причины вмѣстѣ конечно много содѣйствовали толь необыкновенному упадку денежнаго курса“, говорится въ докладѣ комиссіи, по перечисленіи и выясненіи этихъ „причинъ“... Упадокъ курса вызвалъ „чрезмѣрные убытки въ здѣшнихъ капиталахъ“, на что отъ купцовъ „приносятся“ „сильныя жалобы“; свидѣтельствуя о такомъ пагубномъ вліяніи пониженія курса на торговлю, комиссія ссылается на тѣ извѣстные намъ и приобщенныя къ этому высочайшему докладу документы, которые были переданы въ комиссію кн. Воронцовымъ. Этими и заканчивается первая и наиболѣе длинная часть доклада. Вторая—посвящена вопросу объ уменьшеніи „поводовъ“, служащихъ къ упадку вексельнаго курса, и объ изобрѣтеніи другихъ „поводовъ“, которые могли бы содѣйствовать „хотя-бы къ умѣренному на первый случай возвышенію“ курса. Эта часть—краткая. Комиссіи предстояло именно не столько опредѣлять болѣзнь, сколько указать средства къ ея излѣченію; но у комиссіи было на этотъ счетъ свое мнѣніе, которое препятствовало ей долго останавливаться на „средствахъ“, прописывать подробные рецепты. Это мнѣніе комиссія высказала уже въ 1784 году и теперь его повторила. Она не признаетъ полезнымъ „дѣлать какіе-либо необыкновенныя по торгу извороты“ и „производить“ въ торгѣ „новыя перемѣны“; всѣ эти „извороты“ и новшества могутъ повести, пожалуй, къ худшему: „иногда навлекаютъ и непредвидимыя неудобности“. А смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, комиссія „съ своей стороны“ „теперь“ „находитъ два только средства“, относящіяся до торговли, которыя и рекомендуетъ правительству, „сверхъ другихъ пособій, со всѣмъ не зависящихъ отъ торговли“, которыя комиссія здѣсь проходитъ молчаніемъ. Однако, первое изъ этихъ „средствъ“ достаточно радикально и представляетъ, вопреки общимъ принципамъ комиссіи, „довольно бойкій“ „изворотъ“, если не совсѣмъ переворотъ въ сферѣ товарнаго движенія. Комиссія совѣтуетъ „совершенно запретить привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ“ „черезъ пограничныя та-

наблюденіе какъ за „проѣзжающими“ границу, „особливо купцами“, такъ и за корреспонденціею: „нелишне бы было дать почтамтамъ секретныя наставленія, чтобы всѣ изъ чужихъ краевъ приходящіе пакеты, въ коихъ по какимъ-либо подозрѣніямъ и догадкамъ могутъ содержаться ассигнаціи, отворяемы были и чтобы въ случаѣ если дѣйствительно ассигнаціи найдены будутъ, о томъ сюда донесено было немедленно“. (Архивъ госуд. сов. I т., 2 ч., стр. 565—567).

можно, за исключеніемъ лишь тѣхъ товаровъ, „кои въ Высочайшемъ указѣ предъ общимъ 1782. года тарифомъ въ 12-ой статьѣ имянно означены“¹⁾; въ доказательство цѣлесообразности этой мѣры комиссія приводитъ мнѣніе купцовъ, которые давно „желаютъ такового запрещенія“: это—купцы „добропорядочные и благонамѣренные“; они не основываютъ „расчетовъ своихъ ни на какихъ ухищреніяхъ, но на прямой истинѣ сообразно съ учрежденіями, въ государствѣ узаконенными“. Только тогда, когда всѣ товары, кромѣ „указныхъ“, будутъ направлены „къ однимъ только портамъ“, возможенъ будетъ правильный и достигающій цѣли надзоръ за иностраннымъ ввозомъ; по „разнымъ частямъ имперіи“ товары удобно могутъ быть „развозимы“ и изъ портовъ, но зато какія преимущества портового надзора! „Попаенный изъ-за границы привозъ пресѣчется, положенныя по тарифу пошлины всегда вѣрно вступать будутъ“, „присылка“ предметовъ роскоши „довольно умалится“, благодаря „точному по тарифу наблюденію“, „а потому“ „и меньше денегъ изъ Россіи выходитъ будетъ“: такихъ важныхъ послѣдствій, благоприятныхъ для курса, ожидала комиссія отъ своего перваго, предложеннаго ею, „средства“. Второе „средство“—есть не что иное, какъ общее мѣсто о поощреніи русской промышленности и торговли: „всевозможное употребить поощреніе“, вѣщаетъ докладъ, „чтобъ гораздо больше еще российскихъ продуктовъ и товаровъ обдѣлывалось и за море выпускаемо было“. При этомъ докладъ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что въ текущее царствованіе весь „выпускной торгъ“ Россіи былъ „весьма ободряемъ“ „разными облегченіями и узаконеніями“: „теперь, говоритъ докладъ, остается только, чтобъ здѣшніе промышленники, заводчики и фабриканты усердное стараніе прилагали“ къ приведенію своихъ издѣлій въ „большее гораздо совершенство и честностью своею советѣмъ истребили у чужестрашцевъ на какіе-либо въ томъ подлоги подозрѣніе“²⁾. Закончивъ обзоръ этого доклада комиссіи о коммерціи, мы отиѣтимъ тѣ главныя наблюденія, которыя можно извлечь изъ обоихъ, изученныхъ въ этой главѣ, дѣлъ объ исправленіи вексельнаго курса.

¹⁾ Это—именной указъ отъ 27-го сентября, „данный сенату“, „объ изданіи общаго тарифа для всѣхъ портовъ и пограничныхъ таможенъ Россійской имперіи, кромѣ Астрахани, Оренбурга и Сибири. Тарифъ былъ изданъ 27-го сентября, а „начать дѣйствіе свое“, въ силу этого указа, онъ долженъ былъ съ 1-го января 1783 г. II. С. В. XXI, № 15, 520.

²⁾ Ар. д-та т. сб., Д. к. о. к., № 657, связка № 38, листы 1—22.

Нетрудно видѣть, что общій взглядъ на торговлю, котораго придерживалась коммиссія, находился въ противорѣчій съ желаніями и понятіями купечества.

Отъ своего мнѣнія, опредѣленно высказаннаго въ 1784 году, коммиссія, въ сущности, не отказалась и въ 1788 году: попрежнему она стояла на точкѣ зрѣнія невмѣшательства „въ теченіе торговли“; отсюда понятно, почему коммиссія въ общемъ отрицательно относится къ вопросу объ изысканіи „средствъ“ для исправленія вексельнаго курса: строго говоря, она не вѣритъ въ серьезное значеніе какихъ-либо иныхъ „средствъ“. кромѣ облегченія торговли, кромѣ энергіи и честности промышленниковъ и торговцевъ, кромѣ всего того, что указывалось, какъ необходимое для преуспѣянія промышленности и торговли, экономическимъ ученіемъ о свободной конкуренціи; вѣря въ „средства“, коммиссія все свое вниманіе обращаетъ на изысканіе „причинъ“ упадка вексельнаго курса, и въ этомъ отношеніи ея указанія тѣмъ болѣе цѣнны, что они не кабинетныя измышленія, а жизненные наблюденія, въ распознаваніи которыхъ коммиссія пользовалась указаніями свѣдущихъ людей—самихъ купцовъ, ведшихъ заграничную торговлю, и наиболѣе авторитетныхъ маклеровъ, близко знакомыхъ съ дѣйствительнымъ движеніемъ торговли и съ операціями переводныхъ платежей.

Купечеству, однако, были нужны не „причины“, а „средства“. Вексельный курсъ падалъ и, понижаясь, сильно колебался: надо было найти „средство“ или „способъ“ если не поднять его, то, по крайней мѣрѣ, остановить, удержать отъ дальнѣйшаго паденія и колебанія ¹⁾. Коммиссія сама понимала, что такое „происшествіе“ съ ве-

¹⁾ Чтобы дать читателю болѣе ясное представленіе объ этомъ паденіи и колебаніи курса въ 1788 году не только до того момента, когда происходило разсмотрѣніе этого вопроса въ коммиссіи, но и послѣ, я приведу „вѣдомость о курсѣ“ этого года, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ бумагахъ государственнаго архива. *Вѣдомость о курсѣ бышемъ въ 1788 году:*

	Амстердамъ. Стиверы на рубль.	Лондонъ. Пенсы на рубль.	Парижъ. Су на рубль.
Генварь . .	37 ¹ / ₂ , 37 ³ / ₄ , 38.	39 ¹ / ₂ , 39 ¹ / ₂ , 39 ³ / ₄ .	80
Февраль . .	35 ³ / ₄ , 35 ³ / ₄ , 35 ³ / ₄ , 36, 36 ¹ / ₄ , 37 ¹ / ₂ .	37 ³ / ₄ , 37 ¹ / ₂ , 38, 38 ¹ / ₄ , 38 ³ / ₄ .	—
Мартъ . . .	35, 35 ¹ / ₄ , 35 ¹ / ₂ , 35 ³ / ₄ , 35 ³ / ₄ .	37, 37 ¹ / ₂ , 37 ¹ / ₂ , 37 ¹ / ₂ , 37 ³ / ₄ .	—
	36.	37 ³ / ₄ .	—
Апрѣль . .	34, 34 ¹ / ₂ , 35, 35 ¹ / ₂ , 35 ¹ / ₂ .	35 ¹ / ₂ , 36, 36 ¹ / ₄ , 36 ¹ / ₂ , 36 ³ / ₄ , 37.	—

ксельнымъ курсомъ неудобно, что оно успѣло уже оказать свое вредное вліяніе и на курсъ банковыхъ ассигнацій ¹⁾; а понимая и отиѣчая это, она въ 1788 году не сочла удобнымъ совсѣмъ уклониться „отъ изысканія“ „средствъ“, какъ это она сдѣлала въ 1784 году.

И вотъ, въ 1788 году, въ качествѣ перваго „средства“ для лѣченія затягивающейся и осложняющейся курсовой болѣзни, комиссія рекомендуетъ нѣкотораго рода таможенную ампутацію. Но это рѣшительное „средство“ выдуманно не комиссіей. Она прямо въ этомъ пунктѣ ссылается на „добропорядочныхъ“ торговцевъ, давно измыслившихъ такую мѣру. Считая эту мѣру цѣлесообразной и рекомендуя ее правительству, комиссія въ данномъ случаѣ сдѣлала уступку специально купеческимъ интересамъ нашего экспорта, особенно петербургскаго, и встала въ противорѣчіе съ настоящимъ своимъ мнѣніемъ о необходимости лишь энергичныхъ и честныхъ торговыхъ оборотовъ, а не „изворотовъ“.

Май	34 ¹ / ₄ , 34 ¹ / ₂ , 34 ³ / ₄ , 35, 35 ¹ / ₄ , 35 ¹ / ₂ , 35 ³ / ₄ , 36.	35 ¹ / ₂ , 35 ³ / ₄ , 36, 36 ¹ / ₄ , 36 ¹ / ₂ , 36 ³ / ₄ .	—
Іюнь	32 ³ / ₄ , 33, 33 ¹ / ₄ , 33 ¹ / ₂ , 33 ³ / ₄ , 34, 34 ¹ / ₄ , 34 ¹ / ₂ , 34 ³ / ₄ , 35.	32 ³ / ₄ , 33 ¹ / ₄ , 33 ¹ / ₂ , 34, 34 ¹ / ₂ , 34 ³ / ₄ , 34 ³ / ₄ , 35, 35 ¹ / ₄ , 35 ¹ / ₂ , 35 ³ / ₄ , 36.	74
Іюль	31 ³ / ₄ , 32, 32 ¹ / ₄ , 33, 33 ¹ / ₂ , 33 ³ / ₄ , 34, 35.	32, 32 ¹ / ₄ , 33, 33 ¹ / ₂ , 34, 34 ¹ / ₂ , 34 ³ / ₄ , 35, 36.	71
Августъ . . .	32 ¹ / ₂ , 32 ³ / ₄ , 33, 33 ¹ / ₄ , 33 ¹ / ₂ .	33 ¹ / ₂ , 33 ³ / ₄ , 34, 34 ¹ / ₄ , 34 ¹ / ₂ , 34 ³ / ₄ .	—
Сентябрь . .	32 ¹ / ₂ , 32 ³ / ₄ , 32 ³ / ₄ , 33, 33 ¹ / ₄ .	33 ³ / ₄ , 33 ³ / ₄ , 34, 34 ¹ / ₄ , 34 ¹ / ₂ .	70
Октябрь . . .	30 ³ / ₄ , 31, 31 ¹ / ₂ , 31 ³ / ₄ , 32, 32 ¹ / ₄ , 32 ¹ / ₂ , 32 ³ / ₄ , 33.	31 ¹ / ₂ , 31 ³ / ₄ , 32, 32 ¹ / ₂ , 32 ³ / ₄ , 33, 33 ¹ / ₄ , 33 ³ / ₄ , 33 ³ / ₄ , 34.	60, 70
Ноябрь . . .	30 ³ / ₄ , 31, 31 ¹ / ₄ , 31 ¹ / ₂ .	31 ¹ / ₂ , 31 ³ / ₄ , 31 ³ / ₄ , 32.	—
Декабрь . . .	31, 34 ¹ / ₄ , 31 ¹ / ₂ , 32, 32 ¹ / ₄ .	31 ¹ / ₄ , 32, 32 ¹ / ₄ , 32 ¹ / ₄ , 32 ¹ / ₄ .	—

Парижъ: за февраль, мартъ, апрѣль, май, августъ, ноябрь и декабрь курсы не показаны.

Подписи: князь Александръ Вяземскій (собственноручно).

Госуд. ар. XIX, № 15; эта вѣдом. напечат. въ С. И. Р. И. О., т. XXVIII, 344; см. также таблицу (№ 15) о состояніи вексельнаго курса при с.-петербургскомъ портѣ у Вирста: „38 таблицъ, принадлежащихъ къ разсужденіямъ о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской имперіи“. С.-Петербургъ 1807 г.

¹⁾ *Шторъ*, Союзъ, т. VI, 342, *Остеранскій*, Записка о монетѣ, обрац., 40 и 41 стр. Въ 1787 г. ассигнаціонный рубль стоилъ на серебро по петербургскому курсу 97 коп., а въ 1788 г.—92³/₄ коп.

IV.

Послѣ 1788 года вексельный курсъ Россіи снова сильно упалъ; продолжалъ падать и потомъ ¹⁾).

Въ 1793 году курсъ опустился небывало низко, до 22 1/2 стиверовъ на рубль ²⁾. Правительство обезпокоилось и рѣшило снова пересмотрѣть вопросъ „объ униженіи денежнаго курса въ Россіи“, но уже не при помощи комиссіи о коммерціи. 9-го апрѣля 1793 года тайный совѣтникъ князь Н. Б. Юсуповъ получалъ отъ генералъ-прокурора А. Н. Самойлова слѣдующее письмо:

„Милостивый государь мой

князь Николай Борисовичъ!

По случаю униженія курса Ея Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Ваше сіятельство обще съ тайными совѣтниками графомъ Христофоромъ Сергѣевичемъ Мниномъ и съ графомъ Артеміемъ Ивановичемъ Воронцовымъ, приглася къ себѣ немедленно знатнѣйшихъ російскихъ и иностранныхъ купцовъ нѣсколько человекъ, выслушали бы ихъ *разсужденіи* и *прѣтніи* (sic!) и отобрали отъ нихъ мнѣніе, какая причина униженія курса, и какіе они находятъ способы къ возвышенію онаго. Ея Императорское Величество Высочайше указать мнѣ соизволила, что бы для записыванья всему оному журнала, опредѣ-

¹⁾ Записка о монетномъ обращеніи Сперанскаго, 40 и 41.

Также см. Cours d'économie politique Шторха, т. VI, 842.

Разность между цѣной ассигнаціоннаго
рубля и курсомъ:

Г о д и.	Курсъ на Амстердамъ.	Курсъ выше, т. е. въ пользу Россіи.	Курсъ ниже, т. е. въ пользу Россіи.
1787	39 штиль.	10 1/2 на 100	
1788	84 "		
1789	30 "	3/4	10 2/3 на 100
1790	80 "		5 1/2
1791	27 1/2 "		7 1/2
1792	27 "		6 1/2
1793	24 1/2 "		9 2/3

²⁾ Семеновъ, Изученіе историческихъ свидѣній о Россійской внѣшней торговлѣ и проч., часть 3-я, стр. 48; Бразескій, Государственные долги Россіи, стр. 72, примѣч. 3. Вѣдомость о курсѣ, бывшемъ въ 1793 году, см. въ Сборн. Императ. Ист. общ., т. XXVIII, стр. 426.

лелъ я и способнаго къ тому человѣка; во исполненіе высочайшей воли и предписалъ я господину коллежскому совѣтнику Долинскому отправлять сію должность, яко человѣку въ семь дѣлъ опытному по случаю служенія его при комиссіи о коммерціи, которому и предписалъ я всѣ журналы вносить ко мнѣ для поднесенія Ея Императорскому Величеству...⁴

Въ заключеніе письма А. Н. Самойловъ просилъ князя Н. Б. Юсупова увѣдомить о высочайшей волѣ графовъ Х. С. Миниха и А. И. Воронцова. Такъ было образовано „особенное собраніе“ для обсужденія стараго вопроса, сдѣлавшагося слишкомъ острымъ, чтобы правительство могло удовольствоваться тѣмъ совѣтомъ комиссіи о коммерціи, по смыслу котораго слѣдовало сидѣть у моря и ждать погоды. Комиссія о коммерціи своею заботливою дѣятельностью на пользу русской торговли и русскаго кредита за границей, очевидно, достигла, наконецъ, того, что сама потеряла кредитъ въ глазахъ императрицы по разсмотрѣнію вопроса о вексельномъ курсѣ. Дѣлопроизводство комиссіи по подлежащимъ ей вопросамъ, разумѣется, шло своимъ порядкомъ и даже „по Высочайшему повелѣнію“¹⁾; но самый важный вопросъ тогдашней торговли императрица сочла необходимымъ направить не сюда, не въ имѣющееся уже налицо совѣщательное по торговымъ вопросамъ учрежденіе, а въ новое мѣсто, въ „особенное собраніе“ довѣренныхъ лицъ, образованное специально для исполненія лишь этого одного порученія императрицы,—для обсужденія упадка вексельнаго курса и для выработки надлежащихъ практическихъ указаній „къ возвышенію онаго“. „Особенное собраніе“, стало быть, — временная комиссія, учрежденная для основательнаго разрѣшенія даннаго труднаго вопроса. Самое же предпочтеніе разрѣшить трудный вопросъ этимъ путемъ, т.-е. путемъ порученія предварительно обсудить его не въ соответствующемъ постоянномъ учрежденіи, а во временной комиссіи особо довѣренныхъ лицъ, не представляетъ какого-либо исключительнаго явленія въ нашей правительственной практикѣ XVIII столѣтія. Напротивъ, и тогда всякій разъ, какъ только предстояло разсмотрѣть что-либо очень сложное, противорѣчивое, а иногда и достаточно деликатное,

¹⁾ См. Систематическій каталогъ дѣламъ комиссіи о коммерціи и о пошлинахъ, хранящихся въ архивѣ департамента там. сбор. *Н. Кайданова*, наприказъ, стр. 6.

въ возможно кратчайшій срокъ, назначались „особенныя собранія“ или комиссіи изъ подходящихъ лицъ ¹⁾.

Самойловъ назвалъ нѣсколькихъ купцовъ, русскихъ и иностранцевъ, которыхъ слѣдовало призвать на совѣщаніе о вексельномъ курсѣ. Это: петербургскій „градской голова“ Рѣзвой, петербургскій купецъ Кусовъ, тульскій Духанинъ, вяземскій Дѣвкинъ, калужскій Глуховъ, нарвскіе купцы: Бахерахтъ и Арисъ, иностранные: Тортошь Кели, Бѣтлингъ, Питерсъ, Бонеръ, Гленъ. Казалеть, Тортошь Смали, Рудъ и Беля (Белей). Перечисленные купцы, а также, кромѣ ихъ, и другіе торгующіе при с.-петербургскомъ портѣ были приглашены явиться 11-го апрѣля къ 10 часамъ утра въ домъ князя Н. Б. Юсупова для „отобранія“ отъ нихъ нѣкоторыхъ „по нѣкоторому Высочайше препорученному отъ Ея Императорскаго Величества коммерческому дѣлу“. Сверхъ перечисленныхъ, были приглашены еще слѣдующіе „россійскіе купцы“: Ямщиковъ, Лаптевъ, Петръ Ни-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, когда въ 1738 году генералъ-бергъ-директоръ баронъ Шембергъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отдачѣ ему казенныхъ гороблагодатскихъ промысловъ въ частное содержаніе, что противорѣчило закону, то для обсужденія этого прошенія была образована особая комиссія „о горныхъ дѣлахъ“. Правда, комиссія разсуждала не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось Шембергу и Бирону, но дѣло поправилъ Остерманъ, и прошеніе Шемберга было удовлетворено, хотя и вопреки основному закону, но яко бы на повомъ легальномъ основаніи. И въ послѣдующее время, наиболѣе же въ царствованіе Екатерины II, практиковалась эта система порученій, въ силу коей нѣкоторые важные государственныя вопросы, нерѣдко требующіе особыхъ специальныхъ познаній, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, поступали для разработки и составленія доклада въ особыя, именно для обсужденія этихъ вопросовъ назначаемыя, комиссіи: таковы, напримѣръ, комиссія о церковныхъ имѣніяхъ, комиссія о государственномъ межеваніи, комиссія о заводскихъ крестьянахъ (см. у *Соловьева*, *Ист. Росс.*, XXVI, 34, 140, 144), комиссія по вопросу о „новомъ устройствѣ ассигнаціонныхъ банковъ“ (И. С. Закон., XXII, № 16.409; упоминается въ указѣ 28-го іюня 1786 года; *Бржескій*, *Госуд. долги Россіи*, стр. 58 и слѣд.), комиссія (1796 г.) объ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ (*Бржескій*, *цит. соч.*, стр. 85). Къ числу такихъ же комиссій принадлежитъ „особенное собраніе“, изучаемое въ текстѣ настоящей главы. Что же касается самаго названія, то имъ, очевидно, подчеркивались какъ ближайшее вниманіе самой императрицы къ данному дѣлу, такъ и настоятельная необходимость въ скорѣйшемъ его окончаніи. Вышло, что „особенное собраніе“ устраивалось во дворцѣ въ покояхъ Императрицы: таково истинное совѣщаніе о знаменитомъ „Наказѣ“ депутатамъ комиссіи 1767 года, совѣщаніе, на которомъ „разныя персоны, весьма разномыслящія“, „помарали“ „болѣе половины того, что было писано“. Екатериною въ ея руководящемъ законодательномъ трактатѣ (*Соловьевъ*, XXVII т., стр. 79 и 80).

фонтовъ, Михайло Самойловъ, нарвскій купецъ Стральборнъ, иностраннне: Гамбургеръ и Гроттенъ, а также маклера: Михайло Пастуховъ, Губаревъ, Овандеръ и Фокъ ¹⁾).

Въ назначенный срокъ купцы явились въ домъ кн. Юсупова. Здѣсь имъ прежде всего было прочтено Высочайшее повелѣніе о томъ дѣлѣ, ради котораго они были призваны. Затѣмъ начались „многіе разговоры“. Разсуждали „о сильномъ упадкѣ денежнаго курса“, толковали и „о средствахъ къ возвышенію онаго“. Результатомъ дебатовъ было постановленіе: представить къ 15-му апрѣля, къ 10 часамъ утра. т.-е. черезъ 3 дня, „въ сіе собраніе“ письменное изложеніе своихъ мнѣній о данномъ „предметѣ“, русскіе должны представить „особо“, иностраннне „также особо“; при этомъ всякому, несогласному съ большинствомъ, было „дано на волю“ „подать особую свою бумагу“. Однако, къ назначенному сроку съ письменными мнѣніями явились въ „собраніе“ лишь нѣкоторые купцы. Остальные еще не приготовили своихъ „бумагъ“; но и эти купцы все-таки прибыли въ „собраніе“ и „объявили, что они съ письменнымъ своимъ мнѣніемъ „еще не поспѣли“; при этомъ они обѣщали „приготовить“ таковое къ вечеру или, „по крайней мѣрѣ, къ завтрашнему дню“. „Собраніе“ выслушало это объясненіе и, отпустивъ всѣхъ купцовъ и маклеровъ домой, занялось слушаніемъ „поданныхъ бумагъ“. Потомъ были между тремя тайными совѣтниками „довольныя разсужденія“, и собраніе „приказало“ (очевидно, дѣлопроизводителю Долнскому): „заготовить прозектъ доклада на Высочайшее имя“ „со изъясненіемъ всѣхъ примѣчаній отъ стороны купцовъ, такъ и мнѣнія *сею особенною собранія*... по дѣлу о курсѣ“; также было рѣшено для выслушанія и утвержденія“ доклада, собраться снова, „какъ скоро тотъ прозектъ готовъ будетъ“. Снова триумвиратъ собрался 18-го апрѣля, но не для утвержденія доклада а для разсмотрѣнія купеческихъ „мнѣній“ и примѣчаній, поступившихъ въ „собраніе“ въ теченіе

¹⁾ Пятеро изъ приглашенныхъ русскихъ купцовъ — тѣ же самые (изъ 9), которые подписались подъ коллективнымъ купеческимъ письмомъ 1788 года на имя придворнаго банкира барона Сутерланда; это: Кусовъ, Духанинъ, Дѣвкинъ, Лангетъ и Цифонтовъ; четверо же, именно: Рѣзвой, Глуховъ, Ямщиковъ и Самойловъ, не оставили своихъ фамилій подъ означеннымъ письмомъ. Въ числѣ приглашенныхъ въ „особенное собраніе“ нарвскихъ и иностранннхъ купцовъ мы встрѣчаемъ тоже 5 фамилій изъ 10 фирмъ, оставившихъ свой слѣдъ подъ тѣмъ же письмомъ; это—Бахерахтъ (нарвскій), Гамбургеръ, Гроттенъ, Бѣтлингъ и Казалетъ (иностраннне).

послѣднихъ 3 дней. Обсудивъ всѣ эти „мнѣнія“ и „примѣчанія“, собраніе опять постановило: составить докладъ Ея Императорскому Величеству и собраться для его утверждения. 20-го апрѣля—новое засѣданіе триумвирата; оно было послѣднимъ; „особенное собраніе“ выслушало, утвердило и подписало всеподданнѣйшій докладъ, который „со всѣми приложениями“ ¹⁾ и былъ врученъ предсѣдателю „собранія“ кн. Н. Б. Юсупову для поднесенія императрицѣ ²⁾. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія этого доклада, будетъ далеко небезполезно ознакомиться съ мнѣніями тѣхъ лицъ, которыхъ „особенное собраніе“, согласно волѣ императрицы, привлекло въ качествѣ „свѣдущихъ людей“. Такое ознакомленіе дастъ намъ возможность бросить болѣе правильный свѣтъ и на самый докладъ. Порядокъ изложенія будетъ слѣдующій: сначала мы изложимъ мнѣнія русскихъ купцовъ, затѣмъ иностранныхъ, послѣ этого—мнѣніе маклера Пастухова, единственное, извѣстное по этому дѣлу, маклерское мнѣніе и, наконецъ, докладъ „особеннаго собранія“.

Мнѣнія русскихъ купцовъ. Отъ имени всѣхъ, перечисленныхъ выше, русскихъ купцовъ, кромя Ивана Большого-Лаптева, Михаила Самойлова и Дѣвкина, письменно высказался петербургскій городской голова Николай Рѣзвой. Докладная записка Рѣзвого, какъ и остальныхъ, прежде всего, конечно, отмѣчаетъ „причины“ упадка вексельнаго курса. Общая причина заключается „въ одной необходимости переводить за море деньги“; „необходимость же“, въ свою очередь, зависитъ „отъ двухъ сильныхъ началъ“: 1) отъ перевѣса торга въ пользу иностранцевъ и 2) отъ государственной нужды, требующей „великихъ за границею издержекъ“; къ этому прибавлена оговорка, что-де „первое начало гораздо сильнѣе второго“. Далѣе указываются „средства“ „къ возвышенію“ курса. Слѣдуетъ: 1) „запретить“ противозаконную („въ противность городского положенія“) мелочную торговлю, производимую иностранцами не-русскаго подданства; это „злоупотребленіе“ распространилось настолько, что таковыя иностранцы, держа „въ домахъ магазины“, подрываютъ и разоряютъ природныхъ здѣшнихъ купцовъ и мѣщанъ; 2) пресѣчь крестьянскій

¹⁾ При докладѣ нѣкоторые „мнѣнія“ и „примѣчанія“ были приложены въ подлинникъ; изъ другихъ же вниманію императрицы были предложены „кратчайшія выписки“.

²⁾ Конія съ этого дѣла были переданы дѣлопроизводителю „особеннаго собранія“ Долинскому, „яко директору канцеларіи комиссіи о коммерціи“ „для храненія въ помянутой комиссіи обще съ другими такого же рода дѣлами“.

торгъ иностранными товарами; это—торгъ „вкоренившійся и совершается онъ „подъ всякими ложными видами“ противозаконно; 3) „запретить или „высокою пошлиною обложить“ предметы роскоши и „ненужные иностранные товары“, которыхъ еще не коснулось то или другое; какіе именно это товары, показываетъ „особая“, приложенная къ мѣтѣнью „роспись“¹⁾; 4) „возстановить“ „упадшія фабрики“ и подкрѣпить ихъ „выгодами и преимуществами“; 5) весьма нужно распространить русскую торговлю „съ китайцами“²⁾ и прочими азиатскими народами“, равно какъ и „на Черномъ морѣ“; 6) „запретить навсегда, чтобъ никто изъ купечества не переходилъ въ дворянское состояніе“; 7) „не допускать“ заключенія контрактовъ между иностранными и русскими *иногородними* купцами „на поставку“ послѣдними первыми „своихъ продуктовъ къ порту“; 8) „въ обѣихъ столицахъ, такъ и по губерніямъ, изъ комхъ товары идутъ къ портамъ, учредить купеческіе банки“; для этихъ банковъ было бы „довольно 2 мил. рублей“; 9) „возстановить прежній законъ, повелѣвающій при подрядахъ и откупахъ давать нѣкоторую часть денегъ напередъ и принимать поручителей вѣсто нынѣшняго залога 3-й части“; 10) „учредить столь необходимо нужный банкротскій уставъ“; 11) „запретить привозъ чрезъ сухопутныя таможи такихъ товаровъ, которые не изъ сосѣдняго съ нами государства“, и 12) „сдѣлать въ чужихъ краяхъ заемъ знатной суммы, и на счетъ оной

¹⁾ Вотъ эта „роспись“ или „реестръ товаровъ, на привозѣ которыхъ въ Россію должно учинить запрещеніе, сверхъ уже запрещенныхъ для пресѣченія роскоши и въ пользу русскіихъ заводовъ“ (ореографія сохранена). 1) Ситцы. 2) Вышивныя товары. 3) Хмѣль. 4) Часы. 5) Чулки шелковыя. 6) Чулки валенныя. 7) Чулки нитяныя. 8) Шоколадъ. 9) Водка сладкая. 10) Гвозди. 11) Мерминовъ. 12) Кинарежъ и жаворонковъ. 13) Алмазь, хрусталь, томбасъ. 14) Кирпичъ, черепица. 15) Праники и каврижки. 16) Кожи выдѣланныя. 17) Вохра. 18) Бельи. 19) Крупа перловая. 20) Лапша и макароны. 21) Ленты гладкія. 22) Коровье масло. 23) Медъ. 24) Мыло. 25) Мель. 26) Меха, кромѣ бобровъ и выдръ. 27) Мясо всякое. 28) Ковры шерстяныя. 29) Одѣяла. 30) Оружіе. 31) Орѣхи кокосовыя, кромѣ аптекъ. 32) Бумажныя, гарусныя и нитеныя перчатки. 33) Паво и портеръ. 34) Платки набивныя также шелковыхъ и полушелковыхъ. 35) Посуда фарфоровая. 36) Рыба копченая. 37) Сахаръ дѣланый. 38) Свинецъ. 39) Серебряной и золотой проволоки, фольги, блестя. 40) Сталь и пила. 41) Стекла всякія. 42) Хрустальная посуда. 43) Сургучъ. 44) Сиропъ, кромѣ аптекъ. 45) Колбаси. 46) Сыръ. 47) Табакъ всякой. 48) Сушиа низкихъ добротъ. 49) Уксусъ, кромѣ аптекъ.

²⁾ О вредномъ вліяніи пресѣченія китайскаго торговаго баланса довольно подробно распространялась коммиссія о коммерціи въ 1788 году.

трассировать, и тѣмъ поднять курсъ до такой степени, чтобы сравнялся съ вещественнымъ достоинствомъ россійской монеты“; по поводу этого послѣдняго пункта высказывается желаніе, чтобы „исполненіе“ „оной трассировки“ было поручено или „такому правительству“, т.-е. учрежденію, куда были бы назначены и „россійскіе купцы“ („гдѣ бы они и засѣданіе имѣли“), или „и вовсе банкиру Россійскому“.

Таково мнѣніе, такъ сказать, большинства представителей русскаго купечества. Переходимъ къ *отдѣльнымъ* мнѣніямъ русскихъ купцовъ, начавъ съ мнѣнія верейскаго первой гильдіи купца Михайла Самойлова. Михайло Самойловъ такъ же, какъ и его собратья, убѣжденъ, что вексельный курсъ унизился отъ усилившагося ввоза въ Россію иностранныхъ товаровъ: „потомъ“ ввозъ еще болѣе „увеличился“, а курсъ, слѣдовательно, еще болѣе пострадалъ; но выѣстъ съ тѣмъ Самойловъ усматриваетъ и другія „причины“ разсматриваемаго явленія. Онъ откровенно сознается, что къ упадку курса „вело слабое состояніе россійскихъ купцовъ, состоящихъ со всею своею торговлею въ рукахъ иностраннаго купечества“; киваетъ и на „беспорядки во Франціи“, т.-е. на революцію, какъ на событіе, неизбѣжно отразившееся на состояніи вексельнаго курса Россіи. Впрочемъ, такъ же, какъ и его братію, Самойлова интересуютъ не столько „причины“, сколько „средства“. Онъ тоже сторонникъ запретительной таможенной политики. Запрощеніе ввоза предметовъ роскоши Самойловъ рекомендуетъ прежде всѣхъ другихъ „средствъ“. Свидѣтельствуя, что сумма, на какую ежегодно ввозятся таковыя товары, достигаетъ „отъ 5 до 6 мил. руб.“, Самойловъ не ограничивается простымъ указаніемъ иностранныхъ товаровъ, подлежащихъ, по его мнѣнію, запрещенію, но пишетъ и противъ товаровъ, перечисленныхъ въ особой росписи, свои замѣтки, съ цѣлью пояснить, почему эти товары могутъ быть запрещены. Запретительныя замѣтки Самойлова, вообще, весьма любопытныя, иной разъ чрезвычайно типичны; такъ, противъ „винъ шампанскихъ, бургонскихъ“ и т. д. Всего 61 статья ввоза излишни для Россіи, по мнѣнію Михайла Самойлова ¹⁾; сверхъ того, онъ полагаетъ, что еще 32 статьи, допускае-

¹⁾ Приводимъ, съ сохраненіемъ орфографіи, нѣсь „списокъ товаровъ, которыхъ ввозъ быть можетъ запрещенъ“, — выѣстъ съ самоевскими „ремарками“. Списокъ товаровъ, которыхъ ввозъ быть можетъ запрещенъ, по мнѣнію купца Самойлова; этихъ товаровъ въ 1791 году въ привозѣ состояло при с.-петербургскомъ портѣ по цѣнѣ на 4.125.495 руб.

мыя имъ къ привозу въ Россію изъ-за границы, слѣдуетъ обложить „тяжелыми пошлинами“.

Далѣе Михаилъ Самойловъ тоже совѣтуетъ „занять внѣ государства знатную сумму“; совѣтуетъ и нѣсколько иной способъ для получения денегъ: „отправить“ за границу „Россійскихъ товаровъ (вѣроятно, казенныхъ) на 4 или на 5 мил. рублей, на которую сумму и трассировать въ каждую педѣлю до 100 тыс. руб. по 40 штв., или по 42 пенса“; предвидя убытки отъ такой операціи, Самойловъ любезно рекомендуетъ „разверстать“ ихъ „на пошлину, платимую съ

1) Вина шампанскихъ	182.567 р.
„ бургоновыхъ	18.461 „
„ итальянскихъ и венгерскихъ ликеровъ	10.167 „
(запретить навсегда полезно, ибо безнужны).	
2) Водки сладкой со спеціями	19.903 „
(свои фабрики есть).	
3) Араку рому шрому и спирту	1.966 „
(по прихоти).	
4) Гвоздей	5.955 „
(свои есть).	
5) Деревъ разныхъ сортовъ	17.704 „
(обойтиса можно и разведено со малымъ количествомъ аранжерей переводить дрова).	
6) Лошадей для верховой ѣзды	86.914 „
(позволить одні для конскихъ заводовъ).	
7) Птицъ	17.101 „
(невестъ къ чему).	
8) Каменьевъ немцы, трипелю коровниковъ (коровникъ см. Кн. тариф., стр. 9)	3.156 „
9) Агату хрусталу и топазовъ	31.854 „
(въ Сибири своихъ много).	
10) Киричей, черепицъ и клинкеровъ	20.610 „
(своихъ со избыткомъ).	
11) Каштановъ	1.807 „
(закомство и большею частью гнилыя приходятъ).	
12) Конрижекъ прачечныхъ, ореховъ, сухарей и крекелей	965 „
(закомство и свои есть).	
13) Кожа ехидничьихъ	35.045 „
„ агначьихъ, козминыхъ, кроличьихъ и прочихъ	3.225 „
„ Шумповыхъ подошвъ воловьихъ, телчьихъ и лосиныхъ	91.213 „
(свои фабрики въ хорошемъ состояніи).	
14) Вохры	7.270 „
(свои есть).	
15) Бѣлакъ	12,466 „

привозныхъ товаровъ и собирать съ каждаго платежнаго рубля, что по расчету выйдетъ". Мысль о томъ, что „распространеніе“ отечественныхъ фабрикъ и мануфактуры-надежное средство освободиться отъ задолженности у иностранцевъ, хорошо усвоена этимъ совѣтникомъ. Но какими образомъ „распространять“ отечественныя фабрики

	(несма довольно фабрикъ въ Москвѣ; по надобности и болѣе заведутъ).	
16)	Крупы перловой	19.189 р.
	(ячменю довольно и дѣлать можно).	
17)	Крухмалу	2.791 „
	(свой есть).	
18)	Ланши и макаронъ	11.739 „
	(лакомство).	
19)	Лентъ шелковыхъ и полушелковыхъ	23.967 „
	„ шерстяныхъ, льняныхъ и нитяныхъ	14.460 „
	(глаткія, свои фабрики есть).	
20)	Масла коровьяго	7.764 „
	(своего есть много).	
21)	Меду	27.862 „
	(свой есть).	
22)	Вареной медъ	27.862 „
	(свой варить можно).	
23)	Мыла	7.439 „
	(со извѣстствомъ своего).	
24)	Мелу	5.165 „
	(дѣлать горы).	
25)	Вскаго рода мѣховъ скотовъ, медвѣдей, соболи американскія и прочія	186.490 „
	(своихъ много и лучше добротю, кромѣ бобровъ и выдръ для китайскаго торгу).	
26)	Мяса говяжьяго копченаго и соленаго витчины и колбасъ	15.848 „
	(свое есть хорошее и дешевѣе).	
27)	Одѣяль	12.115 „
	(можно обойтись и безъ нихъ).	
28)	Оружія	8.689 „
	(свое есть).	
29)	Ореховъ греческихъ, коленыхъ и кокусонныхъ	19.971 „
	(лакомство и вредны здоровью).	
30 и 31)	Перчатокъ валеныхъ, гарусныхъ, бумажн. и нитяныхъ	17.205 „
	(нитяными и гарусными сдѣлаютъ свои; безъ валеныхъ обойтись можно).	
32)	Перья	2.516 „
	(своихъ много).	
33)	Пива и портеру аглинскаго	381.298 „
	(по прихоти, а не по достоинству).	

мануфактуры, а затѣмъ, положивъ такимъ путемъ „начальное основаніе“ фабрикамъ и мануфактурамъ, раздавать и продавать ихъ „съ пользою для короны“ „народу“, т.-е. частнымъ предпринимателямъ. Стало быть, по мнѣнію Самойлова, недалеко же ушла впередъ русская промышленность, если онъ въ 1793 году рекомендуетъ правительству приемъ, практиковавшійся по необходимости Петромъ Великимъ при первоначальномъ заведеніи въ Россіи фабричнаго производства!... Стало быть, шаги русской промышленности были, по мнѣнію этого купца, еще настолько нетверды, что она не могла самостоятельно держаться на своихъ ногахъ. Въ силу этого Самойловъ скорбѣть о „недостаткахъ привилегій“, полагая, что въ томъ заключаются „непреодолимая препятствія“ къ заведенію „мануфактуръ“ частными людьми¹⁾.

49) Ситцу	58.267 р.
(свои фабрики весьма въ хорошемъ состояніи).	
50) Уксусу	24.696 „
(свои есть; виноградный въ Астрахани и Кизлярѣ дѣлать можно).	
51) Усть китовыхъ	7.510 „
(свои есть у г. Архангельскаго).	
52) Каламенни, табакоту и драгету, баракану кафу	307.677 „
(нѣтъ ремарки!).	
53) Хмели	2.803 „
(свои есть).	
54) Часовъ	18.890 „
(свои фабрики и художники).	
55) Черносливу ординарнаго	5.696 „
Катеринскаго (черносливъ французскій, см. Кн. тар., стр. 290).	
(свои есть сколько угодно и по запрещ. заведуть еще болѣе).	
56) Чулокъ шелковыхъ	87.181 „
(свои фабрики есть въ Москвѣ).	
57) Чулокъ валенныхъ, шерстяныхъ и гарусныхъ	109.498 „
(безъ валенныхъ обойтись можно своими шерстяными).	
58) Бумажныхъ и нитяныхъ	48.252 „
(свои есть нитяныя и бумажныя).	
59) Шоколаду	6.874 „
(лакомство).	
60) Яблоковъ и грушъ свежихъ	161.982 „
(своихъ много).	
61) Яблоковъ сушеныхъ	1.860 „
(сихъ еще болѣе).	
<hr/>	
Всего сумма 4.125.495 р.	

1) „Разочтѣя трудность“: „полученіе мастеровъ“, наученіе рабочихъ мастер-

Поясняя безсиліе частныхъ предпринимателей въ Россіи, Самойловъ указываетъ на недостатокъ у туземнаго купечества капиталовъ. „Россійскіе купцы“, говоритъ нашъ совѣтникъ, „которые торговые дѣла исправляютъ, люди не капитальные“¹⁾. Оставляя въ сторонѣ предлагаемыя „средства“, должно сказать, что самые факты—некапитальность русскаго купечества, отсутствіе хорошаго частнаго кредита и, какъ неизбежное послѣдствіе этихъ явленій, плачевное состояніе русской промышленности въ ту пору—указаны Самойловымъ, купцомъ XVIII столѣтія, весьма мѣтко²⁾.

Кромѣ отиѣченныхъ „средствъ“ къ „возвышенію“ курса, Самойловъ рекомендуетъ и другія отчасти намъ уже извѣстныя, хотя и съ нѣкоторыми варіаціями въ подробностяхъ, отчасти совершенно новыя; такъ, онъ совѣтуетъ тоже учредить купеческій банкъ въ Петербургѣ и Москвѣ, но не съ 2 мил., которыми довольствовался Рѣзвой съ товарищами, а съ 12 мил. (съ 5 для Петербурга и 7 для Москвы); банки должны дисконтировать купеческіе векселя, имѣющіе „кредитъ и особое довѣріе“, а также принимать „въ залогъ доставленные къ порту товары“; повторяется Самойловъ и въ совѣтѣ „отрѣшить товарные въ домахъ магазины“, принадлежащіе не-русскимъ

ству, „знатныя издержки, % на капиталъ“, „неизвѣстность будущаго успѣха“... „частный человекъ не находитъ уже своихъ выгодъ приступить къ заведенію фабрикъ и мануфактуръ“.

¹⁾ „По неимуществу и недостатку наличныхъ денегъ и большихъ % отъ онаго существующихъ—продолжаетъ Самойловъ—нынѣ русскіе купцы вынуждены иностраннымъ купцамъ, пребывающимъ въ Россіи, запродать русскіе товары прежде нежели тѣ землевладѣльцы обработали; брать впередъ наличныя деньги, съ большою уступкою цѣны; иностранные товары на дальніе сроки 12 и 18 мѣсяцевъ, за что платятъ по торговому расчету и нуждѣ за годичное время % по 10 коп. на рубль и болѣе“. Тутъ же Самойловъ сообщаетъ объ иностранномъ явозѣ и объ экспортѣ въ 1791 г.: „полученіе иностранныхъ товаровъ состояло, *окромѣ майно своихъ*, на 35 мил. рублей, всего вообще опредѣлить должно до 41 мил. или 42 мил.; отходящихъ было на 34 мил. рублей“.

²⁾ „Les capitaux et le credit“, писалъ извѣстный экономистъ Тенборскій въ 1852 г., „sont le deux grands leviers d'industrie; là où l'un ou l'autre de ces leviers manque, l'industrie ne peut se maintenir que dans une situation précaire“. Тенборскій весьма пессимистически смотрѣлъ на состояніе частныхъ промышленныхъ капиталовъ въ Россіи въ половинѣ XIX вѣка, считая богатыхъ фабрикантовъ Москвы, Петербурга и другихъ центровъ промышленности въ Россіи счастливыми исключеніями изъ общаго правила („ce sont d'heureuses exceptions à la règle générale“). См. соч. *Тенборскаго Etudes sur les forces productives de la Russie*, Paris 1852 г., II, стр. 199.

поданнымъ; но, кромѣ того, онъ желаетъ, чтобы „иностранцамъ“ было запрещено „записываться въ российское купечество“. Прося запрещать или обременять пошлинами провозные товары, составляя даже роспись ненужныхъ товаровъ, Рѣзвой съ товарищами тѣмъ самымъ косвенно высказывали желаніе объ измѣненіи тарифа. Самойловъ прямо рекомендуетъ передѣлать тарифъ и притомъ не только въ означенномъ сейчасъ смыслѣ, но и въ смыслѣ перемѣны объекта пошлиннаго обложенія: пошлину въ новомъ тарифѣ „съ цѣны товара не полагать“; Самойловъ не говоритъ, съ чего же полагать, но, очевидно, если не съ цѣны, то значить съ мѣры и вѣса; будучи, все-таки, главнымъ образомъ сторонникомъ запрещеній; Самойловъ и въ пунктѣ о передѣлываніи тарифа заявляетъ: „неименованныхъ въ тарифѣ товаровъ не впускать въ государство“.

Вполнѣ новыя средства слѣдующія: 1) „чтобы несъ торгъ иностранныхъ, кои съ Россіею коммерческими не связаны трактатами, производимъ былъ на наличныя деньги безъ всякаго кредита; 2) не позволять иностраннымъ, живущимъ въ Россіи, исправлять чужія комиссіи, кромѣ своихъ собственныхъ дѣлъ“, и 3) „съ чужими государствами торговыхъ договоровъ не заключать“.

Вологодскій купецъ Иванъ Большой-Лаптевъ начинаетъ свою записку съ объясненія, что вексельный курсъ является въ сущности такимъ предметомъ, по состоянію коего можно судить какъ о народномъ, такъ и о государственномъ хозяйствѣ: „состояніе въ государствѣ курса“, говоритъ онъ, „содержитъ обширное понятіе не только о состояніи торговли внутренней и внѣшней, но часто и всего государства“; поэтому курсъ Лаптевъ уподобляетъ „компасу, показывающему точное состояніе баланса“. Затѣмъ онъ бросаетъ общій взглядъ на развитіе русской внѣшней торговли. Сначала отпускали товаровъ гораздо больше, чѣмъ получали; „расходъ“ на иностранныя товары „былъ весьма малъ, а вывозъ российскихъ продуктовъ“ „чрезвычайно превосходнѣе“ „привоза“, слѣдовательно, балансъ былъ для насъ благопріятный: тогда и курсъ былъ выгодный—,отъ 55 до 60 штиверовъ за рубль“. „Потомъ“ въ балансѣ торговли произошла рѣзкая перемѣна. Эта перемѣна зависѣла отъ многихъ другихъ перемѣнъ во внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи. О томъ, въ какомъ направленіи „сталъ перемѣняться“ „образъ народной жизни“, Лаптевъ говоритъ: „...величество и слава Россіи, умноженіе въ государствѣ народа, распространяющееся просвѣщеніе, обширная связь съ иностранными державами, умноженіе городовъ, прибавленіе войскъ сухо-

путныхъ и морскихъ, внезапныя войны умножили по необходимости казенные расходы, а торговлѣ россійской дали совѣтъ новый видъ; съ умноженіемъ государственныхъ ассигнацій наипаче распространилась торговля внутренняя и внѣшняя и иностранные товары вошли во вкусъ“. Этой нарисованной Лаптевымъ картинѣ соотвѣтствуетъ совершенно иной торговый балансъ: „тогда и привозъ“ иностранныхъ товаровъ „умножился до чрезвычайной суммы, и многими милліонами переписалъ нашъ балансъ“. Въ этомъ состояніи баланса и въ развитіи „вредной роскоши“¹⁾, а также въ остановкѣ китайскаго торгова²⁾, во французской революціи, въ паденіи русскаго кредита въ Голландіи³⁾ Лаптевъ усматриваетъ причины паденія русскаго вексельнаго курса. Обзоръ причинъ этотъ купецъ заканчиваетъ слѣдующею меланхолическою цитатою: „Напоследокъ“, говоритъ онъ, „можно прибавить то, что напечатано въ одной книгѣ: когда сія земля не выписывала ничего отъ другихъ, народъ жилъ отъ земли и отъ трудовъ рукъ своихъ, тогда всѣ вещи были изобильны и дешевы“.

Для возвышенія курса Лаптевъ считаетъ необходимыми двѣ спеціальныя мѣры: 1) „имѣть въ Голландіи два милліона гульденовъ для поддержки курса на россійскія деньги“ и 2) „препоручить государственному ассигнаціонному банку“ „производство на биржѣ казенныхъ переводовъ“; вообще же Лаптевъ рекомендуетъ бороться съ развитіемъ роскоши, поощрять народное хозяйство, какъ отпускную торговлю, такъ и „внутреннюю экономію“, съ которой, т.-е. съ земледѣлія, скотоводства и мауфактуры, по мнѣнію этого автора, слѣдуетъ совѣтъ снять пошлину. и, наконецъ, строго наказывать злостныхъ банкротовъ, „черезъ что утвердится кредитъ, честность, трудолюбіе, добронравіе и послѣдующее изъ того всеобщее благо“⁴⁾.

¹⁾ Роскошь „вредная потому наипаче, что она состоитъ изъ такихъ вещей, за которыя платить не внутри государства, а за море переводить должно, и что прежде употреблялось въ однихъ только знатныхъ домахъ, то нынѣ вошло почти во всеобщее употребленіе“; отъ этой торговли модными товарами обогащаются иностранцы, заведшіе въ Россіи магазины, а не русскіе купцы; иностранцы, „получа чрезвычайный барышъ отъ продажи выписанныхъ по удобному соотношенію съ иностранными фабрикантами на великія суммы невужныхъ товаровъ, деньги переводятъ за море, не разсуждая о курсѣ“.

²⁾ „Остановка китайскаго торгова“ повредила курсу вслѣдствіе привоза „изъ-за моря чая и различныхъ шерстяныхъ товаровъ, которые замѣнила китайка“.

³⁾ „Черезъ что великія банкротства“.

⁴⁾ Лаптевъ совѣтуетъ: 1) уменьшить употребленіе иностранныхъ товаровъ, служащихъ единственно къ роскоши, 2) „обременять высокою пошлиною мно-

Вяземскій купецъ Дѣвкинъ причинами пониженія курса считаетъ слѣдующія обстоятельства: 1) плохой балансъ, 2) „на биржѣ много ремиттентовъ, а мало трассентовъ“, 3) незаконные иностранные магазины въ домахъ и 4) „великія издержки на заграничныя арміи“. Въ числѣ средствъ „къ возвышенію“ на первый планъ онъ ставитъ внѣшній заемъ; но въ трассированіи онъ совѣтуетъ соблюдать извѣстную постепенность, „начиная отъ 25 до 30, а со временемъ довести до 40 штинеровъ на рубль“; въ отвращеніе же казенныхъ убытковъ Дѣвкинъ такъ же, какъ и Самойловъ, предлагаетъ увеличить пошлину на привозные товары — накинуть по 10% на каждый рубль ихъ цѣны. Затѣмъ Дѣвкинъ совѣтуетъ передѣлать тарифъ съ исключеніемъ „ненужныхъ и роскошныхъ товаровъ“ (конечно, привозныхъ), поощрить земледѣліе и мануфактуры, запретить иностранные магазины съ модными товарами, „яко гнѣзда роскоши и мотовства“. Кончаетъ Дѣвкинъ тѣмъ же, чѣмъ началъ, финансовыми мѣрами: во-первыхъ, онъ желаетъ, чтобы россійскихъ купцовъ ссужали деньгами изъ заемнаго банка ¹⁾ подъ залогъ ихъ товаровъ, привезенныхъ для продажи къ портамъ, а, во-вторыхъ, дабы было подтверждено запрещеніе „ажіо (лажа) на здѣшнюю золотую и серебряную монету“: „чтобы россійскія мѣдныя деньги и банковыя ассигнаціи были въ равномъ съ оною монетою достоинствѣ“. Таковы отдѣльныя мнѣнія русскихъ купцовъ.

Мнѣнія нарвскихъ и иностранныхъ купцовъ. Два нарвскихъ купца *Стральборнъ и Арисъ* представили одно мнѣніе. Они отмѣчаютъ слѣдующія причины упадка курса: 1) значительный переѣздъ въ пользу иностранцевъ, 2) часто производившіеся и теперь продолжающіеся переводы казной громаднхъ денежныхъ суммъ за границу, 3) недостатокъ золотой и серебряной монеты во внутреннемъ обращеніи ²⁾

странные тозари, служащіе для одного лакомства, какъ-то: дорогія вина, водки, сахаръ и кофе“, и 3) „излишнее число служителей, лошадей и каретъ обложить пошлиною“. „Мнѣніе“ Лантева подписано 15-мъ апрѣля (1798 г.).

¹⁾ Государственный заемный банкъ былъ учрежденъ въ 1786 году по манифесту 28-го іюля, ввращающему на это учрежденіе, какъ на „средство подать благотворительное вспоможеніе подданнымъ, а наипаче дворянству“... П. С. З. XXII, № 16407.

²⁾ Лажъ, по свидѣтельству Стральборна и Ариса, достигалъ 38%; въ ту ми-

и 4) многія и крупныя банкротства въ Лондонѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Варшавѣ и Бреславлѣ; эти банкротства, случившіяся предъ послѣднимъ упадкомъ курса, коснулись и петербургской биржи. „Средства“ къ возвышенію курса, по мнѣнію этихъ купцовъ, заключаются въ уменьшеніи ввоза и въ усиленіи вывоза, а также въ развитіи фабричнаго и мануфактурнаго дѣла въ государствѣ.

Третій нарвскій купецъ Бахерахтъ подалъ отдѣльное мнѣніе; но въ этомъ мнѣніи мы также находимъ указанія, съ которыми уже не разъ встрѣчались,—на неблагопріятный балансъ, на военныя обстоятельства, на повсемѣстныя „важныя банкротства“ и на отсутствіе прочнаго кредита—все, какъ на причины упадка курса; Бахерахтъ свидѣтельствуетъ, что конторы, которыя могутъ трассировать, осталось весьма мало, да и тѣ воздерживаются, „ремиттентовъ же на биржѣ много“. Для поправленія бѣды этотъ купецъ прежде всего совѣтуетъ правительству сдѣлать заграничный заемъ и на него трассировать черезъ банкира или черезъ вполнѣ кредитоспособнаго купца; затѣмъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ выпустить въ публику возможно больше золотой и серебряной монеты и отмѣнить существующее запрещеніе о вывозѣ монеты за границу; наконецъ, третій и послѣдній совѣтъ этого автора—необходимо запретить ввозъ всѣхъ предметовъ роскоши. Бахерахтъ увѣренъ, что, по исполненіи его пожеланій, не только вексельный курсъ достигнетъ прежней „степени“, но и русскій рубль „сдѣлается выше внутренняго своего достоинства“.

Отъ всѣхъ англійскихъ конторъ въ С.-Петербурѣ поступило общее мнѣніе. Перечисляя причины упадка курса, англичане указываютъ прежде всего на уменьшеніе внутренней цѣнности русской золотой и серебряной монеты и на излишнее увеличеніе количества банковыхъ ассигнацій въ народномъ обращеніи; серебро сдѣлалось рѣдкимъ въ государствѣ и „la circulation se borne maintenant aux billets et au cuivre“; далѣе отмѣчаются частыя войны, стоившія государству весьма дорого, пресѣченіе китайской торговли и политическое состояніе Европы, которое привело торговлю въ замѣшательство, вызвало во многихъ мѣстахъ крупныя банкротства и поколебало кредитъ. Въ качествѣ „средствъ“ англичане рекомендуютъ постепенное уменьшеніе количества государственныхъ банковыхъ ассигнацій, увеличеніе въ народномъ обращеніи серебряной и золотой монеты, до-

путь, когда эти купцы составляли свою записку, этотъ лажъ, по ихъ же сообщенію, равнялся 31-му и 32-мъ %.

зволение свободнаго выпуска за море всякаго хлѣба и запрещеніе привоза изъ-за границы предметовъ роскоши; англичане также нечужды совѣта по части поощренія русскихъ мануфактуръ.

Иностраннне купцы Карлъ и Фридрихъ Амбургеры представили тоже по отдѣльному мнѣнію. Карлъ Амбургеръ усматриваетъ только двѣ „причины“; первая и главнѣйшая, по его мнѣнію, — „недовѣріе“, т.-е. плачевное состояніе кредита; вторая: „больше тѣхъ, которые даютъ деньги для перевода, нежели тѣхъ которые ихъ принимаютъ“, т.-е. на биржѣ больше трассентовъ, чѣмъ ремиттентовъ. „Средства“ такіа: 1) „разрѣшить“ отпущекъ за границу „всякаго хлѣба“, 2) „учредить вновь банкира“ и 3) при помощи поощренія увеличить въ имперіи количество фабрикъ для обработки главнымъ образомъ туземныхъ продуктовъ; ради же поощренія внутренняго производства требуется пересмотръ и измѣненіе тарифа, при чемъ Карлъ Амбургеръ, указывая на эту необходимость, совѣтуетъ для привозныхъ товаровъ поставить пошлину не съ цѣны, а „съ мѣры и вѣса“.

Фридрихъ Амбургеръ нападаетъ на изобиліе имѣющихся въ обращеніи банковыхъ ассигнацій и на чрезмѣрную роскошь, ставя второе явленіе въ зависимость отъ перваго: огромное количество банковыхъ ассигнацій усилило, по его мнѣнію, роскошь; предметы же роскоши, какъ-то: брилліанты, драгоценные камни, картины и тому подобныя иностранныя вещи, уносятъ изъ Россіи чрезвычайно много денегъ въ чужіе края. Поэтому для противодѣйствія уходу изъ Россіи денегъ этотъ купецъ рекомендуетъ запрещеніе на нѣсколько лѣтъ привоза брилліантовъ, дорогихъ камней, картинъ и т. п. Производимые теропливо денежные переводы ¹⁾ приводятъ Фридриха Амбургера къ мысли о необходимости регулировать эти операціи при помощи особаго, опытнаго въ торговыхъ и биржевыхъ дѣлахъ, лица, снабженнаго притомъ всегда капиталами, чтобы ему возможно было „дѣлать переводы во время“ и по нуждѣ трассентовъ („pour pouvoir faire les Remises à temps, et suivant le besoin de Tireurs“). Наконецъ, Фридрихъ Амбургеръ совѣтуетъ облегчить отпущекъ товаровъ вообще и въ частности дозволить выпускъ хлѣба за границу, о чемъ ливонцы хлопочутъ неотступно ²⁾. Изъ отраслей русской промышлен-

¹⁾ „Les Remises de la Cour sont faites avec trop de précipitation“...

²⁾ „L'exportation pouroit être plus encouragée, celle des grains permise, que les Livoniens sollicitent avec instance“.

ности Фридрихъ Амбургеръ совѣтуетъ поощрять рудокопные, особенно мѣдные заводы.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣднему „мнѣнію“. Это — *мнѣніе маклера Микамла Пастухова*. Причиной паденія курса этотъ экспертъ считаетъ неблагоприятный балансъ Россіи ¹⁾. Средства, ведущія къ улучшенію баланса, тѣмъ самымъ поведутъ и къ возвышенію вексельнаго курса. Увеличеніе цѣнности нашего отпуска — вотъ задача, которую, вообще говоря, надо выполнить Россіи, по мнѣнію Пастухова. Дѣло въ томъ, что товары ²⁾, отпускаемые изъ Россіи въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они получаютъ „изъ рукъ природы“, будучи дешевыми, не въ состояніи „оплачивать количество привозимыхъ товаровъ, изъ коихъ многіе суть рукодѣльные искусствомъ утонченныя“; поэтому „нѣкоторую часть“ русскихъ товаровъ, прежде чѣмъ ихъ выпускать за границу, нужно пустить въ обработку, „придать“ имъ „уточненіе посредствомъ рукодѣлія“. Пастуховъ совѣтуетъ „дѣлать дома“ тѣ предметы, „которые въ принятомъ нынѣ образѣ жизни“ считаются необходимыми. Указываетъ Пастуховъ и отрицательное „средство“ къ улучшенію баланса: запрещеніе привоза изъ-за границы „нѣкоторыхъ рукодѣльныхъ вещей“, а также „прихотныхъ и не нужныхъ товаровъ“; „при выборѣ же“, какіе изъ этихъ товаровъ могутъ быть попрежнему разрѣшены для ввоза, „да предпочтутся“, говоритъ Пастуховъ, „общественныя нужды... частнымъ выгодамъ“. Но не столько на тарифныя запрещенія, сколько на развитіе русской внѣшней торговли надѣется Пастуховъ въ дѣлѣ поправленія баланса и курса. Онъ совѣтуетъ, какъ можно скорѣе, „приложить стараніе“ „къ устройенію торговли черноморскихъ портовъ“. Черноморская торговля можетъ существенно „увеличить выпускъ нашихъ произведеній въ южныя области Европы“; чрезъ черноморскіе порты пойдутъ въ Европу произведенія нашего юга, тѣ самыя „произраженія“, „большая часть“ которыхъ, по свидѣтельству Пастухова, „не составляла... предмета внѣшней торговли“ „до сего времени“, т.-е. до самаго мо-

¹⁾ „Когда торговый перевѣсъ“, говоритъ Пастуховъ, „состоялъ въ пользу Россіи, получали мы за нашъ рубль голландскими деньгами свыше внутренняго его достоинства. Сіе продолжалось до тѣхъ поръ, покуда количество привезенныхъ изъ-за моря товаровъ начало превосходить выпуски наши; тогда и вексельный курсъ постепенно началъ упадать и, наконецъ, унивился до того, что произвелъ на серебряныя деньги промѣнъ 30%“.

²⁾ „Отпускаемые нами за море товары большею частью суть сырые и малоцѣнные“.

мента настоящаго обсужденія ¹⁾. Введя чрезъ черноморскіе порты въ международный оборотъ наши южныя произведенія, мы, съ другой стороны, чрезъ эти порты будемъ получать дешевле „многіе товары полуденной части Европы: какъ-то: деревянное масло, вины, сухіе фрукты, ладонъ и прочее“. Черноморская торговля въ первое время будетъ, по мнѣнію Пастухова, „родомъ полезной мѣры“; будущій балансъ этой торговли рисуется въ воображеніи маклера въ весьма благопріятномъ видѣ, „а сіе тоже много можетъ способствовать къ возвышенію вексельнаго курса“. Далѣе Пастуховъ совѣтуетъ товары изъ вновь прибрѣтенныхъ польскихъ областей путемъ особыхъ мѣръ (какихъ—онъ не говоритъ) направить не въ Кенигсбергъ, куда они шли, а къ рижскому и черноморскимъ портамъ, именно „для того, чтобы извозы и другіе путевые расходы остались въ государствѣ“. Такое новое движеніе польскихъ товаровъ увеличитъ „обороты нашихъ портовъ“, а „купцы наши, получа новую отрасль къ обогащенію, будутъ вѣчно благодарить премудрую мать отечества великую Екатерину“ за доставленіе имъ „такого блага, о коемъ они до сего и помышлять не смѣли“. Тарифъ надо пересмотрѣть: къ тому побуждаютъ какъ переиѣна въ политическомъ положеніи Россіи, благодаря прибрѣтенію новыхъ земель и расширенію территоріи, такъ и состояніе самой торговли „съ частными переиѣнами“ въ ея „теченіи“.—Главнымъ образомъ надо, по мнѣнію Пастухова, позаботиться и спеціально о пошлинахъ, ибо запрещеніе къ ввозу многихъ товаровъ повлечетъ за собой „недоборъ въ пошлинахъ“; „разсмотрѣть“ придется вопросъ, какъ восполнить эту убыль „безъ разстроенія торговли“. „Такими пособіями—такъ заключаетъ Пастуховъ свой обзоръ общихъ основныхъ „средствъ“—по слабому моему сужденію можно вексельный курсъ возвысить и сдѣлать на долгое время полезнымъ и прочнымъ государству“. Отъ иныхъ „средствъ“ Пастуховъ не сторонится, но онъ называетъ ихъ „временными пособіями“ (*remèdes palliatifs*) ²⁾, сравнивая ихъ дѣйствіе со „стремленіемъ вѣтровъ, обращающихъ вспять теченіе рѣчное: утихнутъ вѣтры и рѣчныя струи воспримутъ попрежнему естественное свое теченіе“. Эти „пособія“ „не могутъ быть прочны“, но текущій торговый кризисъ и чрезвы-

¹⁾ Пастуховъ объясняетъ, почему наши южныя произведенія не постунали во вѣнскій торговый оборотъ: „потому что по тяжести и малоцѣнности своей не могли сносить потребныя на доставленіе ихъ издержки къ сѣвернымъ портамъ“.

²⁾ „Временныя пособія“, говоритъ Пастуховъ, „тоже могутъ содѣйствовать къ повышенію курса“.

чайное паденіе вексельнаго курса заставляють Пастухова рекомендовать и *remèdes palliatifs*: 1) временную остановку переводовъ за море казенныхъ денегъ и 2) внѣшній заемъ на „внѣшнія издержки“ „по политическимъ дѣламъ“¹⁾).

Всматриваясь во всё изложенныя въ настоящей главѣ мнѣнія, трудно замѣтить, что существенныя указанія и совѣты русскихъ купцовъ и русскаго маклера, съ одной стороны, и существенныя указанія и совѣты собственно иностранныхъ купцовъ—съ другой не одни и тѣ же, хотя и тѣ и другіе купцы вели торговлю отъ одной стороны—„россійской“. Что касается нарвскихъ купцовъ, то ихъ мнѣнія занимаютъ среднее мѣсто между русскими и иностранными мнѣніями: въ однихъ существенныхъ совѣтахъ и указаніяхъ они примыкають къ русскимъ мнѣніямъ, въ другихъ совѣтахъ, а также въ нѣкоторыхъ умолчаніяхъ они напоминають иностранныхъ совѣтниковъ, не состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ. Такъ, всѣ русскіе купцы и русскій маклеръ высказываются въ томъ смыслѣ, что неблагоприятный торговый балансъ есть важнѣйшая причина упадка вексельнаго курса; нарвскіе купцы ставятъ ту же причину на первый планъ. Но иностранцы, въ лицѣ англійскихъ конторъ и двухъ Амбургеровъ, даже не упоминають о торговомъ балансѣ. Зато англичане и одинъ изъ Амбургеровъ чрезвычное увеличеніе количества банковыхъ ассигнацій выдвигаютъ именно какъ причину пониженія курса; при чемъ англичане указываютъ и на другое злоупотребленіе русскаго финансоваго вѣдомства—на порчу золотомъ и серебромъ монеты, какъ на причину того же самаго явленія.

Нарвскіе купцы, не говоря прямо о перепроизводствѣ ассигнацій, намекають на то же самое обстоятельство, когда свидѣтельствують о недостаткѣ въ обращеніи золотой и серебряной монеты, при

¹⁾ По вопросу о необходимости обратиться къ „временнымъ пособіямъ“ и о ближайшемъ дѣйствіи этихъ пособій Пастуховъ говоритъ такъ: „Но какъ впоследствии въ нынѣшнемъ годѣ во многихъ мѣстахъ замѣшательства въ торговлѣ и послѣдовавшія изъ того банкротства многихъ знаменитыхъ банкировъ, коснулось и до здѣшней биржи и ослабило кредитъ нѣкоторыхъ иностранныхъ конторъ; слѣдствіемъ сего тоже прозвляли свое вліяніе къ пониженію нашего курса. Въ отвращеніе сего, почитаю нужнымъ остановитъ на время переводы за море казенныхъ денегъ; на нужнымъ же по политическимъ дѣламъ внѣшнія издержки, лучше занять оныя за моремъ на урочное число лѣтъ. Сіе можетъ принести выгоды въ нынѣшнемъ критическомъ положеніи торговыхъ дѣлъ вообще, и частію въ отношеніи къ нашему вексельному курсу“. Мнѣніе помѣчено 18-мъ апрѣля (1798 г.).

чемъ одинъ изъ нихъ, совѣтуя избывать бѣду новыми выпусками этой монеты, въ то же время рекомендуетъ дозволить вывозъ ея и за границу. Въ русскихъ мнѣніяхъ мы не встрѣчаемъ указаній на „размноженіе“ ассигнацій, какъ на причину паденія вексельнаго курса. Англичане всѣхъ полнѣе высказались по этому вопросу: отрицательное означенное явленіе, они однимъ изъ условій возвышенія курса опредѣленно поставили—постепенное уменьшеніе количества ассигнацій. Какъ англичане, такъ и остальные иностранцы (Амбургеры) совѣтуютъ дозволить свободный выпускъ за границу хлѣба; но этого совѣта мы не встрѣчаемъ ни у русскихъ, ни у нарвскихъ купцовъ.

Русскіе купцы и русскій маклеръ рекомендуютъ правительству внѣшній заемъ для того, чтобы какъ-нибудь перебиться въ наступившій торговый и финансовый кризисъ; этотъ совѣтъ мы находимъ у одного изъ нарвскихъ купцовъ и у всѣхъ иностранныхъ. Большинство русскихъ купцовъ говорятъ о товарныхъ магазинахъ иностранцевъ, какъ о злоупотребленіи, чрезвычайно вредномъ для русскаго купечества. Иностранцы не только не-русскаго, но и русскаго подданства (нарвскіе купцы) въ своихъ писанныхъ мнѣніяхъ молчатъ объ этихъ магазинахъ. Вообще, какъ видно, въ основу „примѣчаній“ русскаго, нарвскаго и иностраннаго купечества легли соответствующіе интересы и выгоды, отъ которыхъ и зависѣли подчеркнутыя нами особенности изложенныхъ мнѣній. Это хорошо видно хотя бы изъ отношенія купцовъ къ вопросу о купеческихъ банкахъ. Для русскихъ купцовъ вопросъ о купеческихъ банкахъ или, по крайней мѣрѣ, о кредитѣ въ государственномъ заемномъ банкѣ — животрепещущій, насущный вопросъ, ибо они, въ силу своей некапитальности, по свидѣтельству купца Самойлова, принуждены были обращаться къ дорогому долгосрочному кредиту у иностранцевъ; послѣднимъ же экономическое безсиліе русскихъ купцовъ было на руку, и ихъ братія, торговавшая съ „россійской стороны“, въ данномъ вопросѣ занимавшая одну позицію съ заморскими капиталистами, ни однимъ словомъ въ своихъ „примѣчаніяхъ“ не заикнулась о необходимости учрежденія купеческихъ банковъ.

Все сейчасъ сказанное о различіи мнѣній, конечно, не устраняетъ извѣстнаго сходства между ними. У „свѣдущихъ людей“, мнѣнія коихъ пожелало узнать правительство, была и нейтральная почва, именно „россійская сторона“, на которой они стояли, и на этой почвѣ возникли нѣкоторыя сходныя указанія и рекомендаціи. Такими указаніями на внѣшнія событія, на казенные переводы, на „замѣшательства“ и

застой въ торговлѣ, на пресѣченіе китайскаго торговаго, на каковое одинаково жаждутся русскіе купцы и англичане, и пр. Таковы рокомендаціи: развивать въ Россіи фабричное и мануфактурное дѣло, запретить ввозъ предметовъ роскоши и проч. Но, при всемъ томъ, опять-таки слѣдуетъ отмѣтить, что меркантилизмъ нашелъ себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ мнѣніяхъ большинства русскихъ купцовъ. Таковы въ особенности мнѣнія Рѣзвого съ товарищами и Самойлова. Въ „бумагахъ“ этихъ купцовъ мы встрѣчаемъ наиболѣе подробныя указанія о запретительно-охранительной системѣ, которую-де слѣдуетъ принять во внѣшней русской торговлѣ; при чемъ Самойловъ настойчиво совѣтуетъ „передѣлать“ тарифъ. По отношенію къ внутреннему денежному рынку, мануфактурѣ и вообще по отношенію къ внутреннему торгово-промышленному классу русскіе купцы рекомендуютъ цѣлый рядъ охранительныхъ и поощрительныхъ мѣръ; при чемъ купецъ Дѣвкинъ совѣтуетъ запретить даже на золотую и серебряную монету, а купецъ Самойловъ—заводить фабрики и мануфактуры „попрежнему“ на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы передавать ихъ потомъ русскому купечеству; сверхъ того, это купечество должно охраняться не только отъ злостныхъ банкротствъ, для чего долженъ быть составленъ банкротскій уставъ, но и отъ конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ съ иностранцами, а также, по мнѣнію Рѣзвого съ товарищами, и съ русскими крестьянами, торгующими иностранными товарами. Оберегая интересы русскаго купечества, какъ особаго сословія, Рѣзвой ходатайствуетъ навсегда запретить купцамъ переходъ въ дворянство. Въ частности Рѣзвой съ товарищами стоятъ на стражѣ интересовъ петербургскаго купечества, когда просить запретить сдѣлки иностранцевъ непосредственно съ иногородними купцами, поставляющими по контрактамъ свои продукты къ порту прямо въ руки иностранныхъ торговцевъ: тутъ петербургское купечество несомнѣнно стремится взять на себя роль посредника между производителями или первыми скупщиками и иностранцами.

Итакъ, большинство совѣтниковъ имѣетъ въ виду узко-эгоистическіе интересы. Лишь купецъ Лаптевъ и маклеръ Пастуховъ, какъ бы, дѣлаютъ нѣкоторую попытку подняться въ область теоріи; при чемъ первый свое вниманіе обращаетъ преимущественно на причины, рисуя схематическую картину экономическаго развитія Россіи, а второй, указавъ основную причину курсовой бѣды въ экономической отсталости Россіи, вразумительно характеризуетъ то „средство“, которое состоитъ въ развитіи производительныхъ силъ страны, въ устрой-

ствѣ и установленіи новыхъ пунктовъ и путей для русской торговли. И Рѣзвой съ товарищами указываетъ на необходимость распространенія черноморскаго торгова, но такъ, между прочимъ: не здѣсь центръ тяжести ихъ совѣтовъ. Пастуховъ — другое дѣло: именно развитіе черноморской торговли онъ выдвигаетъ на первый планъ, какъ мощное средство экономическаго оживленія и преуспѣянія южной окраины. Будучи сторонникомъ и запретительныхъ мѣръ, этотъ экспертъ, видимо, уже тронуть новыми идеями о законности въ экономическихъ явленіяхъ: это довольно ясно усматривается изъ его характеристики „временныхъ пособій“, на каковыя другіе совѣтники возлагаютъ всю надежду. Цитата купца Лаптева о патриархальномъ экономическомъ бытѣ Россіи свидѣтельствуетъ, что этотъ купецъ, какъ будто, не чуждъ физиократизма; но, симпатизируя земледѣлію и скотоводству, Лаптевъ въ то же время все-таки остается, какъ и его товарищи, меркантилистомъ и протекціонистомъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что на мой взглядъ является наиболѣе важнымъ въ рассмотрѣнныхъ „примѣчаніяхъ“. Отъ нихъ переходимъ къ докладу „особеннаго собранія“ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ „тайные совѣтники“ воспользовались полученными указаніями и совѣтами.

Докладъ особеннаго собранія. Сначала въ докладѣ перечисляются тѣ „причины“ и „средства“, которыя были указаны и рекомендованы приглашенными въ „собраніе“ „партикулярными“ совѣтниками. Просматривая перечень „причинъ униженія курса“¹⁾, мы, однако, замѣчаемъ, что не всѣ указанія „причины“ приведены въ докладѣ; правда, далѣе, послѣ собственнаго указанія „причинъ“, „особенное собраніе“ огульно и глухо сослалось на „оригинальныя, подносимыя“ при докладѣ „отъ знатнѣйшихъ купцовъ примѣчанія“; во тѣмъ не менѣе любопытно отмѣтить, какія купеческія указанія „собраніе“ заблаго-

¹⁾ Приводимъ перечень въ докладѣ причинъ, „показанныхъ“ купцами: „Разныя показаны ныя причины упадка здѣсь денежнаго курса“: 1) „перевѣсъ торговли въ пользу иностранцевъ; 2) непоумѣренная роскошь и крайнія ко употребленію иностранныхъ товаровъ и вещей склонность всякаго состоянія людей въ государствѣ; 3) бывшее пресѣченіе торгова съ китайцами; 4) неустройство Франціи, произшедшее всеобщую въ Европѣ волну, довело многія купеческія конторы до банкротства; 5) необходимость содержанія арміи россійскихъ за границею; 6) недостатокъ въ обращеніи золотой и серебряной монеты, а великое напротивъ того изобиліе банковыхъ ассигнацій; 7) подрывъ въ торгахъ природнымъ Россійскимъ купцамъ чинимые отъ записывающихся на время иностранныхъ въ здѣшнее мѣщанство, и 8) на биржѣ ремитентовъ много, а мало трасентовъ“.

разсудило пропустить въ своемъ собственномъ сообщеніи о купеческихъ мѣнницахъ.

Въ этомъ сообщеніи нѣтъ указанія англичанъ на уменьшеніе внутренней цѣнности монеты, нѣтъ и самойловскаго указанія на „слабое состояніе“ русскаго купечества. Перечень отъ имени купцовъ „средствъ“¹⁾ къ возвышенію вексельнаго курса отличается еще большей неполнотой: въ докладѣ пропущены совѣты о восстановленіи китайской и устроеніи черноморской торговли, о пресѣченіи крестьянскаго торга иностранными товарами, о запрещеніи навсегда для купцовъ перехода въ дворянство, о запрещеніи привоза товаровъ черезъ сухопутныя таможи не изъ сосѣдняго государства, о восстановленіи прежняго закона о взиманіи аванса при казенныхъ подрядахъ и откупахъ, объ отыѣнѣ запрещенія вывозить русскую золотую и серебряную монету за границу; докладъ не повторяетъ, строго говоря, совѣта купца Самойлова и другихъ о пересмотрѣ и передѣлкѣ тарифа: собраніе отъ имени купцовъ приводитъ лишь тотъ купеческій совѣтъ, но точному смыслу котораго слѣдовало запретить или обременить пошлиною „ненужные и роскошные товары“,—что могло быть исполнено и до изданія новаго тарифа, путемъ особаго указа или манифеста. Мѣншіе маклера Пастухова совѣтъ не было принято во вниманіе при составленіи перечня представленныхъ „собранію“ „причинъ“ и „средствъ“²⁾.

¹⁾ „Средства же тѣмъ самыми купцами объявленные къ возвышенію онаго курса, состоятъ наипаче 1-е въ ящемъ запрещеніи привоза ненужныхъ и роскошныхъ товаровъ, или въ наложеніи большей на нихъ пошлины, 2-е въ восстановленіи упавшихъ мануфактуръ и фабрикъ и въ сильномъ поощреніи къ распространенію новыхъ, такъ и всякаго рода рукодѣлій, 3-е въ разрѣшеніи выпуска хлѣба, 4-е въ довольномъ обращеніи золотой и серебряной монеты, 5-е въ заведеніи купеческихъ банковъ, или по крайней мѣрѣ въ даваніи изъ заемнаго банка руссійскимъ купцамъ нѣкоторой части денегъ подъ закладъ ихъ товаровъ къ порту привезенныхъ; 6-е въ здѣланіи за моремъ займа знатной денежной суммы, на которую бы отсюда трасировать вексели съ постепеннымъ время отъ времени уменьшеніемъ курса, 7-е въ учрежденіи здѣсь банкира для удобнѣйшаго и выгоднѣйшаго провозводства денежныхъ за море переводовъ, 8-е въ запрещеніи иностраннымъ пользоваться здѣсь мелочнымъ торгомъ и къ великому подрыву природныхъ Россійскихъ купцовъ и мѣщанъ содержать въ домахъ товарные магазины или лавки и 9-е въ подтвержденіи и наблюденіи чтобы не бранъ и не требованъ былъ провънъ или ажіо простирающійся уже гораздо за 30 коп. на серебряный рубль, а на золотой и еще болѣе“.

²⁾ Въ перечнѣ нѣтъ смысла на малоцѣнность нашихъ отпускныхъ товаровъ, на необходимость открыть новыя пути для сбыта южныхъ и западныхъ произве-

Отмѣтивъ, хотя и не полно, чужіе указанія и совѣты, докладъ переходитъ къ тому, что „особенное собраніе“ сочло нужнымъ представить вниманію императрицы „со своей стороны“.

„Особенное собраніе“, какъ оно свидѣтельствуетъ въ докладѣ, „со вниманіемъ“ „разсмотрѣло“ „все“ вышедшее, т.-е. констатированныя имъ купеческія мнѣнія, и „со своей стороны“ „находитъ“, что „важнѣйшая причина“ паденія въ Россіи вексельнаго курса „до 23 и 22¹/₂ штиверовъ на рубль“ заключается въ „неожиданномъ происшествіи“ съ русскимъ торговымъ балансомъ. Балансъ сдѣлался въ 1791 году крайне неблагоприятнымъ для Россіи; такимъ онъ значится даже по таможеннымъ вѣдомостямъ, показанія которыхъ „особенное собраніе“ далеко не считаетъ точными, полагая, что „сіе неожиданное въ торгѣ происшествіе“ гораздо значительнѣе, чѣмъ о томъ сообщаютъ „таможенныя бумаги“: въ вѣдомости не вошли деньги за „брилліанты и всякіе дорогіе каменья и жемчуга, по почтѣ сюда во множествѣ присылаемые“, равно какъ и за „великоцѣнные товары“, въ Россію привезенные „потаянными дорогами“¹⁾. Весьма значительный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ вовлекъ русскихъ купцовъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, „въ вѣщіе заморскіе долги“; для уплаты потребовались наличныя деньги; а таковыми „за неимѣніемъ серебряной монеты“ явились „банковья ассигнаціи“, которыми и пришлось производить платежи за границу на „великія суммы“; при неотложности платежей, купцы „принуждены были“ „отдавать“ свои ассигнаціи „въ здѣшнія иностранныя конторы для полученія векселей за море каковъ бы ни былъ курсъ“; послѣдній же „мало-помалу отъ стеченія... уторопленныхъ обстоятельствъ началъ упадать и унизился до 23 до 22¹/₂ штиверовъ на рубль“. Такова первая и „важнѣйшая“, по мнѣнію „собранія“, причина паденія вексельнаго курса. Вторая причина разсматриваемаго явленія это—спекуляціи на ассигнаціонномъ курсѣ. Переходя къ этой второй причинѣ, докладъ касается и вопроса о казенныхъ издержкахъ на содержаніе русской арміи за границей; издержки „непремѣнно“ велики, но такъ какъ, судя „по прошедшимъ войнамъ“ внѣ предѣловъ Россіи, не замѣчалось, чтобы въ курсѣ наступала „отрицательная колебленность“, то „вѣщее

деній черезъ черноморскій и рижскій порты, нѣтъ сомнѣнія и на совѣтъ временно приостанавливать переводы казенныхъ денегъ за границу.

¹⁾ См. также мою статью „Русскія балансовыя вѣдомости XVIII стол., какъ историко-статистическій источникъ“ (*Ученыя Записки Казанск. Унив.* 1900 г. и отдѣльно, Казань 1900, стр. 10.

поврежденіе" курсу и въ данномъ случаѣ зависитъ не отъ означенныхъ казенныхъ издержекъ. Бѣда заключается не здѣсь, не въ изобиліи казенныхъ переводовъ, а вотъ въ чемъ: „торговые и всякаго состоянія люди" вывозятъ за границу „премногое количество российской золотой и серебряной монеты", а также, сверхъ того, „на нѣсколько можетъ быть милліоновъ рублей здѣшнихъ банковыхъ ассигнацій". Эти послѣднія и дѣлаются объектомъ спекуляціи: ихъ „на удачу" за „полѣны и менѣе" скупаютъ „жиды" или „тому подобные ростовщики", „а потомъ разными потаенными способами тѣ самыя ассигнаціи... входятъ пакн сюда и доставляются на биржу для полученія за нихъ въ чужіе края векселей по какому-бы ни было курсу, но только бы выручить за нихъ хотя вышесказанную половину цѣны"; при этомъ „входящая" въ Россію изъ-за границы русскія банковыя ассигнаціи „къ несчастію" „можетъ быть" „смѣшаны" „еще съ поддѣльными". „Таковое-то обстоятельство", говоритъ докладъ, „соединясь съ другими, много поразило денежный курсъ". Затѣмъ „особенное собраніе" не оставляетъ „безъ особеннаго уваженія" и жалобы русскихъ купцовъ на домовыя магазины иностранцевъ съ модными товарами, тѣмъ болѣе, что, по сообщенію доклада, „торгующіе здѣсь" иностранные купцы „потомъ" „словесно подтвердили" справедливость этой жалобы. Собраніе согласно, что эти противозаконныя, существующіе вопреки городовому положенію 1785 г. въ обѣихъ столицахъ и большихъ городахъ магазины причиняютъ „великій подрывъ всему природному российскому купечеству" и, кромѣ того, „непомѣрный вредъ" государству. Въ такіе модные магазины требуется заграничный товаръ, отчего увеличивается иностранный ввозъ и притомъ тѣхъ товаровъ, которые служатъ „единственно къ роскоши и мотовству"; деньги, вырученныя за „роскошные и ненужныя" товары, владѣльцы домовыхъ магазиновъ переводятъ за границу, не обращая вниманія „на низкость курса", который отъ такого „зловреднаго стеченія болѣе упадаетъ". Обогатившись въ Россіи „толь легкимъ образомъ", эти модные магазинщики, „наконецъ", „уѣзжаютъ отсюда въ свои отчины", „увозятъ" съ собой „безвозвратно" „всѣ скопленные неправедными способами капиталы" и у себя дома „дѣлятся съ товарищами своими, кои, живучи за моремъ, участвовали съ ними во всѣхъ выгодахъ и преимуществахъ природному российскому купечеству и мѣщанству Высочайше дарованныхъ". Изъ приведенныхъ сейчасъ указаній на „причины паденія курса видно, что мнѣніе большинства купцовъ о торговомъ балансѣ Россіи было не

только принято „особеннымъ собраніемъ“, но и было дополнено сообщеніемъ о серьезномъ влияніи на балансъ крайне обширной контрабанды; послѣднее сообщеніе не ново: мы знаемъ, что на это зло внѣшней русской торговли усердно указывали члены комиссіи о коммерціи. Прониклось „собраніе“ и жалобой русскихъ купцовъ на модные домовые магазины иностранцевъ, настолько прониклось, что иностранные купцы, молчаливые по этому вопросу въ своихъ письменныхъ мнѣніяхъ, заговорили въ присутствіи тайныхъ совѣтниковъ „собранія“ и словесно подтвердили имъ истину объ иностранныхъ магазинахъ въ Россіи. Надо полагать, это были не владѣльцы магазиновъ такого рода. Что же касается указанія тайныхъ совѣтниковъ на спекуляцію банковыми ассигнаціями, то его нѣтъ въ вышепересказанныхъ купеческихъ мнѣніяхъ; это показаніе, однако, намъ уже извѣстно изъ обзора предшествующихъ „обсужденій“. „Средства“ къ возвышенію вексельнаго курса, предлагаемая „собраніемъ“ „со своей стороны“, слѣдующія. Прежде всего нужно „убавить чрезвычайно умножившейся привозъ“ предметовъ роскоши. Хотя указомъ отъ 8-го апрѣля 1793 года ¹⁾ и „много таковыхъ товаровъ запретить уже изволили“, говорить „собраніе“, обращаясь къ государынѣ, но тѣмъ не менѣе „по примѣчаніямъ купечества остаются еще нѣкоторыя таковыя же въ тарифѣ статьи, требующія подобнаго исключенія или обложенія оныхъ вышешю пошлиною, могущею препятствовать выписыванью оныхъ“. Далѣе „собраніе“ считаетъ необходимымъ, чтобы „во всѣхъ намѣстничествахъ“ прилагалось „всемѣрное стараніе о поощреніи“ земледѣлія, скотоводства „и всякаго рода фабрикъ и мануфактуръ“, осо-

¹⁾ П. С. З., XXIII, № 17111.—Опубликованъ былъ этотъ указъ лишь 28-го апрѣля того же года. Однако, если мы сравнимъ роспись товаровъ, ввозъ которыхъ былъ запрещенъ этимъ указомъ (см. книгу тарифовъ, въ П. С. З., томъ XLIV, общее дополненіе къ тарифамъ, стр. 43—46) съ имѣющимися въ архивныхъ бумагахъ купеческими росписями, то мы неизбежно должны будемъ заключить, что первая осталась независимой отъ вторыхъ; слѣдовательно, 28-го апрѣля была обнародована именно та роспись запрещенныхъ товаровъ, которая была апробована 8-го апрѣля, т. е. еще до начала обсуждения въ „особенномъ собраніи“ „нѣкотораго коммерческаго дѣла“ (первое засѣданіе 11-го апрѣля, послѣднее—20-го апрѣля). Такимъ образомъ, г. Лодыженскій (цит. соч., 153), которому подробно рассматриваемаго коммерческаго дѣла остались неизвѣстны, напрасно заявляетъ, что эта роспись „очевидно“ „была осуществленіемъ проектовъ, выработавшихся княземъ Юсуповымъ и другими лицами, въ цѣляхъ улучшенія коммерческаго баланса Россіи“. Нѣтъ, это не „очевидно“. Во всякомъ случаѣ неизвѣстно, откуда это „очевидно“.

бенно тѣхъ, на которыхъ „обдѣлываются“ „здѣшніе продукты“; при этомъ „собраніе“ рекомендуетъ установить „указомъ“ отчетность генералъ-губернаторовъ и „правлящихъ ихъ должности“ во всемъ томъ, что сдѣлано въ управляемыхъ ими районахъ для развитія означенныхъ отраслей народнаго труда въ теченіе года: ежегодно мѣстная высшая администрація должна сообщать объ этомъ въ комиссію о коммерціи. Отмѣтивъ также необходимость „пресѣчь“ незаконные модные магазины, „собраніе“ стремится „пресѣчь“ и вредъ для торговцевъ отъ „подлоговъ, обмановъ и всякаго рода вредоносныхъ ухищреній“, практикуемыхъ „злостными людьми“: „для удобнѣйшаго пресѣченія“ всего этого „собраніе“ совѣтуетъ издать „банкротскій уставъ, каковаго всѣ честные и добрые купцы давно желаютъ и нынѣ того самаго прилежно домогаются“; попутно „собраніе“ вспоминаетъ, что банкирскій уставъ еще въ 1768 году былъ поднесенъ императрицѣ отъ комиссіи о коммерціи, что „потомъ“, „по повелѣнію императрицы“, его пересматривалъ сенатъ, но что и до сихъ поръ этотъ „уставъ“ „не удостоился высочайшей конфирмаціи“.

Для того, чтобы вывести русское купечество „изъ вредной зависимости“, въ которой оно находится „по нуждѣ“ „у здѣсь живущихъ иностранцевъ“, нужны купеческіе банки: ихъ слѣдуетъ учредить въ С.-Петербургѣ, въ Архангельскѣ и въ черноморскихъ портахъ, „полагая на всѣ тѣ мѣста до 5 мил.“; но есть средство помочь русскому купечеству и иначе, не дожидаясь купеческихъ банковъ; можно „по силѣ высочайшаго о банкахъ манифеста“ выдавать купцамъ ссуды „изъ государственнаго заемнаго банка“, только непремѣнно подъ закладъ товаровъ, которые должны быть представлены въ двойномъ количествѣ противъ выданной суммы; притомъ эти товары должны быть не только привезены къ портамъ, но и „складены“ въ таможенные амбары, дабы они были „состоящими“ „подъ таможеннымъ вѣдомствомъ“. Такъ, признавъ недостатокъ капиталовъ и отсутствіе частнаго кредита у русскихъ купцовъ, „особенное собраніе“ рекомендовало открыть имъ, правда, подъ хорошее обезпеченіе, широкій государственный кредитъ.

Высказалось „собраніе“ и по поводу казенныхъ денежныхъ переводовъ: докладъ предостерегаетъ правительство относительно торопливости такихъ переводовъ¹⁾, говоря, что ихъ „нельзя дѣлать безъ крайней надобности“, и рекомендуя „ввѣрять“ ихъ „не одному гоф-

¹⁾ „Ибо таковое дѣйствіе всегда рождаетъ невыгодность курса“.

маклеру, но *разнымъ искуснѣйшимъ маклерамъ*“, чтобы биржа не знала, кто изъ нихъ „уполномоченъ“ въ тотъ или другой моментъ; „для явщей же“, говорить докладъ, „казнѣ и обществу при такихъ случаяхъ выгоды и пользы лучше кажется избрать въ банкиры челоуѣка самаго честнаго и въ торговыхъ дѣлахъ долго обращавшагося, отнѣнное довѣріе на биржѣ имѣющаго и въ связи съ знатными иностранными купеческими конторами состоящаго“.

Относительно внѣшняго займа докладъ выражается весьма осторожно, предоставляя этотъ вопросъ на усмотрѣніе императрицы и давая указаніе лишь относительно приемовъ трассирования, въ случаѣ если заемъ состоится. Въ докладѣ читаемъ: „если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ повелѣть сдѣлать въ чужихъ краяхъ заемъ знатной какой суммы; то банкиръ, или иной, кому поручено будетъ, долженъ на оную трассировать казенныя такъ и партикулярныя деньги возвышая курсъ весьма по малу время отъ времени, каковая умѣренность конечно выведетъ здѣшнія иностранныя конторы изъ дальнаго терпѣнія и заставить ихъ собственная корысть послѣдовать оному примѣру, дабы не лишиться извѣстныхъ своихъ отъ того барышей“.

Ко всѣмъ переданнымъ „средствамъ“ къ повышенію курса „собрание“ присоединяетъ и „вослѣдовавшій свободный торгъ у черноморскихъ портевъ“, куда, какъ оно думаетъ, равно какъ и къ рижскому порту, „наипаче весьма потребно обратить весь торгъ новоприсоединенныхъ отъ Польши провинцій“.

Таковы „средства“ или, по выраженію доклада, „способы“, при помощи которыхъ „собрание“ надѣется „не вдругъ, но исподволь“ обратить торговый балансъ „въ пользу Ея Императорскаго Величества“; когда это произойдетъ, тогда начнется и возвышеніе вексельнаго курса Россіи: „и тогда-то“, обѣщаетъ докладъ, „курсъ на російскія деньги въ желаемое приходитъ ставеть приращеніе доколѣ до первобытнаго своего хотя за 30 лѣтъ (тому назадъ) существовавшаго достигнетъ возвышенія“. Въ заключеніе докладъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ, предложенныхъ купцами, способахъ, которыхъ нельзя принять. Таково „прошеніе“ купцовъ о дозволеніи выпуска изъ Россіи за границу хлѣба; хотя и „желательно бы“ было „удовлетворить“ это „прошеніе“, такъ какъ хлѣбъ, „по недороду“ и вслѣдствіе плохого состоянія земледѣлія („по нераченію о земледѣльствѣ“), дорогъ и „внутри государства“, то и для разрѣшенія выпускать его внѣ,—

„за море“, „великое настоятъ препятствіе“¹⁾). Другая, „просимая“ иностранцами, мѣра—снять запрещеніе съ вывоза за границу золотой и серебряной монеты—безусловно была забракована „собраніемъ“: „такое ихъ домогательство—читаемъ въ докладѣ—принято быть не можетъ по причинѣ великаго государству отъ того вреда, чего для въ древнія и новѣйшія времена изданы многія запретительныя о томъ узаконенія“²⁾).

Закончивъ обзоръ „средствъ“ „особеннаго собранія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпавъ содержаніе всего доклада, мы нѣсколько остановимся какъ на важнѣйшихъ совѣтахъ этого доклада, такъ и на общемъ его характерѣ.

Даже при бѣгломъ просмотрѣ доклада „особеннаго собранія“ бросается въ глаза то обстоятельство, что „собраніе“ не столько придумывало свои совѣты, сколько выбирало ихъ изъ поступившихъ къ нему „примѣчаній“. При этомъ оно имѣло въ виду не только тѣ купеческіе совѣты, которые вошли въ вышеприведенный крайне сокращенный „перечень“ (см. стр. 79—80), но и руководствовалось извѣстными ему подлинными мнѣніями; какъ, напримѣръ, мы видимъ, что „собраніе“ не оставило безъ вниманія пропущеннаго въ перечнѣ совѣта объ отиѣнѣ запрещенія вывоза золотой и серебряной монеты; видимъ также, что до извѣстной степени „собраніе“ воспользовалось и мнѣніемъ маклера Пастухова, повторивъ его совѣтъ о необходимости направить южно-русскіе и польскіе товары къ черноморскимъ и рижскому портамъ. Далѣе замѣтно, что, выбравъ подходящіе совѣты изъ представленныхъ „примѣчаній“, „собраніе“ отнеслось къ этимъ совѣтамъ довольно самостоятельно: кое-гдѣ они измѣнены въ подробно-

¹⁾ Сравни. Семеновъ, Изученіе историч. свѣд. о Россійской внѣшней торговлѣ и промышленности, часть 3-я, стр. 49. По Семенову выходитъ, что князь Юсуповъ и его товарищи „полагали для возвышенія курса необходимымъ“, между прочимъ, „разрѣшить вынустъ хлѣба“. Какъ видимъ изъ доклада „особеннаго собранія“, эти лица „полагали“ не совсѣмъ такъ. Семеновъ все дѣло малагаетъ весьма кратко, на одной страницѣ, ссылаясь на старую книжку *Почова*, О балансѣ торговли, С.-Петербург. 1831 г. Ссылка нѣсколько не точная: соч. *Почова*, Разсужденіе о торговомъ балансѣ издано въ 1832 году въ качествѣ отиѣта автора на критическую статью о другомъ сочиненіи *Почова*, Разсужденіе о выногѣ золота и серебра, помѣвшуюся въ *Телеграфѣ* за 1831 годъ, № 6-й.

²⁾ Подъ докладомъ подписались члены „особеннаго собранія“: Юсуповъ, Минихъ и Воронцовъ, а также и дѣлопроизводитель Домискій. Арх. денарт. тамож. сбор. Д. к. о комм., № 657, связка 38 (по каталогу Кайдакова № 42).

стяхъ, кое-гдѣ къ нимъ прибавлены указанія, въ которыхъ собраніе могло быть компетентно, и во многихъ мѣстахъ неоригинальнымъ „мнѣніямъ“ дана оригинальная формулировка. Въ самомъ выборѣ лишь въ некоторыхъ совѣтовъ изъ многихъ проявилась опытность и осторожность „особеннаго собранія“. Общій смыслъ молчаливаго отношенія ко многимъ узаннымъ изъ „примѣчаній“ совѣтамъ, мнѣ кажется, слѣдующій: „собраніе“ не хочетъ „со своей стороны“ предлагать правительству того, что, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, не можетъ быть исполнено въ ближайшемъ будущемъ, или того, что рекомендуется купцами по недоразумѣнію.

Для характеристики осторожности „особеннаго собранія“ въ „совѣтахъ“ достаточно указать, что оно не повторяетъ отъ своего имени купческаго совѣта объ умноженіи золотой и серебряной монеты въ народномъ обращеніи и прямо не высказывается противъ неумѣренныхъ выпусковъ государственныхъ ассигнацій; оно ограничивается лишь указаніемъ на вредную для вексельнаго курса спекуляцію, вызванную громаднымъ количествомъ выпущенныхъ ассигнацій, и предоставляетъ дѣлать отсюда выводы самому „высокому правительству“. О необходимости передѣлать тарифъ „собраніе“ съ своей стороны тоже прямо не говоритъ, ограничиваясь совѣтомъ запретить къ привозу или обременить пошлиною предметы роскоши. Будучи осторожнымъ въ разрѣшеніи коренныхъ вопросовъ тогдашней нашей финансовой и торговой политики, „особенное собраніе“ крѣпко держится на почвѣ общегосударственныхъ интересовъ вообще и въ частности на почвѣ интересовъ „природнаго россійскаго купечества“. Это видно прежде всего изъ положительныхъ мѣръ, предлагаемыхъ собраніемъ. Ради поправленія торговаго баланса Россіи „собраніе“ совѣтуетъ развивать добывающую и обрабатывающую промышленность; однако оно принуждено согласиться, что русскіе купцы въ тяжеломъ экономическомъ плѣну у иностранцевъ, даже у живущихъ въ Россіи; и вотъ, на помощь „природному россійскому купечеству“, въ рукахъ котораго будущее промышленности, торговаго баланса и вексельнаго курса Россіи, должно, по мнѣнію „собранія“, прийти само государство.

Отказъ иностраннымъ купцамъ въ ихъ просьбахъ—разрѣшить вывозъ изъ Россіи за границу хлѣба, а также золотой и серебряной монеты—еще болѣе отдѣляетъ патріотическій характеръ изложеннаго доклада.

Заключеніе.

Мы выслушали мнѣнія учреждений и лицъ, толковавшихъ во второй половинѣ XVIII столѣтія какъ о причинахъ пониженія вексельнаго курса, такъ и о средствахъ къ его возвышенію. Генералъ-прокуроръ сената и самъ сенатъ, комиссія о коммерціи и отдѣльные ея члены, особо уполномоченные сановники, составившіе „особенное собраніе“, придворные банкиры и биржевые маклера, профессиональные знатоки торговыхъ сдѣлокъ и переводныхъ платежей и, наконецъ, купцы, производившіе виѣшнюю торговлю,—все высказались по этому капитальному коммерческому и финансовому вопросу. Теперь попытаемся обобщить изученныя нами мнѣнія, свести ихъ къ немногимъ, но основнымъ положеніямъ.

Сначала о „причинахъ“.

Россия экономически недостаточно развита, сравнительно съ европейскими государствами—вотъ положеніе, которое въ большей или меньшей степени раздѣляется всеми рассмотрѣнными нами мнѣніями. Ясно для нашихъ авторовъ и то обстоятельство, что потребности русскаго государства и общества переросли экономическое развитіе Россіи, что послѣдняя, говоря короче, меньше производитъ, чѣмъ потребляетъ. Отсюда понятно, почему большинство „мнѣній“ всего болѣе останавливается на неблагоприятномъ торговомъ балансѣ Россіи, невыгодность котораго доказывается и тогда, когда „таможенныя вѣдомости“ показываютъ совершенно противоположное¹⁾. Но такъ ли

¹⁾ Цифровыя данныя о состояніи виѣшной русской торговли, нѣсколько разъ напечатанныя (*Шторжъ*, Supplementband, № 1; *Вирсинъ*, „28 таблицъ“, № 13, *Лодыженскій*, Истор. Русск. Там. Гар., стр. 95 и 142 и др.), не могутъ считаться надежнымъ матеріаломъ для изученія даннаго вопроса. См. въ моей статьѣ—Русскіи балансовые вѣдомости XVIII ст., какъ историческій источникъ—мнѣніе по этому предмету чиновника коммерцъ-коллегіи Нильнскаго, внимательно изучившаго таможенныя вѣдомости и хорошо знавшаго порядки или, точнѣе, безпорядки въ самыхъ таможенныхъ (стр. 6 и 7): „...не можно никогда“, говоритъ Нильнскій, „вѣрнаго имѣть свѣдѣнія о торговомъ балансѣ, на которую сторону перевѣсъ онаго бываетъ, ибо хотя изъ таможенныхъ вѣдомостей и видно, что будто перевѣсъ былъ въ 1793 году въ пользу Россіи; но если всѣмъ иностраннимъ тонарахъ дать истинную цѣну, то не говори о прочихъ бываемыхъ изъ торговѣ злоупотребленіяхъ, кои всегда умножаютъ балансъ иностранной стороны, выдетъ то, что балансъ иностранній врядъ ли предъ нашимъ не преимуществуетъ“. Показателемъ того, что торговый балансъ не въ пользу Россіи, является, по мнѣнію Нильнскаго, „вексельный курсъ, ибо оный и до днесь въ худомъ по-

это, можно ли „важнѣйшей причиной“ паденія курса даже въ 1793 году (предъ которымъ балансъ былъ неблагопріятенъ для Россіи и по таможеннымъ вѣдомостямъ) дѣйствительно считать, какъ это сдѣлало „особенное собраніе“, невыгодный для нашего отечества торговый балансъ? Современная экономическая наука учитъ, что вексельный курсъ зависитъ собственно не отъ торговаго баланса, какъ думали меркантилисты, а вообще отъ баланса задолженности: въ той странѣ, которая по долговымъ обязательствамъ уплачиваетъ больше, чѣмъ получаетъ, вексельный курсъ стоитъ ниже пари и наоборотъ; торговый же балансъ не имѣетъ существеннаго значенія: ввозъ товаровъ можетъ быть и гораздо значительнѣе вывоза, и все-таки вексельный курсъ будетъ высокимъ, если въ окончательномъ расчетѣ оказывается, что задолженность страны меньше сравнительно съ другими странами.

Россія Екатерины II была не безъ долговъ. Неумѣренная роскошь двора и многочисленныя войны требовали больше средствъ, чѣмъ давали прямыя и косвенныя налоги и эксплуатація природныхъ богатствъ страны, вслѣдствіе чего и пришлось прибѣгнуть къ займамъ. За границу въ уплату по внѣшнимъ государственнымъ займамъ (процентовъ и въ погашеніе долга) и на содержаніе русскихъ войскъ переводились солидныя суммы денегъ ¹⁾. Такъ какъ, въ силу вновь появившихся потребностей и роскоши преимущественно, разумѣется, въ правящихъ слояхъ, развился торговый обихъ между Россіей и другими государствами, а Россія попрежнему не имѣла торговаго флота, то увеличился и фрахтовый расходъ, значительно усилившій нашу задолженность. Количество путешествующихъ и сорящихъ за границей русскимъ золотомъ російскихъ всякаго рода „петиметровъ“ тоже едва ли не увеличилось въ царствованіе Екатерины II. Все это и тому подобное, указанное въ рассмотрѣнныхъ „примѣчаніяхъ“, конечно, не могло не понижать вексельнаго курса Россіи. Въ рассмотрѣнныхъ трактованіяхъ вопроса объ „униженіи курса“ выдающееся мѣсто занимаютъ казенныя переводы денегъ за границу. Вредное

ложеніи, коль же бы скоро былъ перевѣсъ баланса на сторонѣ нашей, то бы неминуемо должно было оному возвыситься“ (стр. 7). Въ приложеніи къ упомянутой статьѣ напечатаны извлеченныя изъ архивныхъ „дѣлъ“ двѣ сводныхъ балансовыхъ вѣдомости, данныя коихъ по многимъ, однимъ и тѣмъ же, пунктамъ не сходятся между собой и такимъ образомъ сами подрываютъ довѣріе къ себѣ.

¹⁾ См. у П. П. Мишулина, Русскій Государственный кредитъ. Харьковъ 1899, 4—13 стр.

вліяніе на русскій вексельный курсъ казенныхъ переводовъ, какъ мы видѣли, было указано правительству въ 1774 году: это вліяніе энергично обсуждалось и въ 1798 году частными и официальными лицами... Не легко уяснить себѣ, какое вліяніе было преобладающимъ въ нашемъ балансѣ внѣшней задолженности въ теченіе всего разсматриваемаго періода.

Современный намъ изслѣдователь полагаетъ, что общія „политическія событія и финансовыя (напримѣръ, переводы значительныхъ суммъ на платежи по внѣшнимъ займамъ) имѣли извѣстную долю вліянія“ на вексельный курсъ Россіи, но преобладающее вліяніе онъ усматриваетъ не въ этихъ обстоятельствахъ, а въ неумѣренномъ внутреннемъ долгѣ, который былъ сдѣланъ правительствомъ Екатерины II: „нѣтъ сомнѣнія—говоритъ г. Бржескій— что усиленные выпуски ассигнацій были главнымъ факторомъ, вліяющимъ на пониженіе вексельнаго курса“ ¹⁾. Въ XVIII стол. у насъ, въ Россіи, тоже говорили о вредномъ вліяніи на вексельный курсъ „умноженія“ въ государствѣ бумажныхъ денегъ. Въ 1779 году въ этомъ смыслѣ вполне опредѣленно высказался членъ комиссіи о коммерціи Клингштеттъ, а затѣмъ мы знаемъ, что на необходимость постепеннаго уменьшенія государственныхъ ассигнацій въ 1793 году указывали въ интересахъ нашего вексельнаго курса и представители англійскихъ конторъ; того же самаго несомнѣнно желали другіе иностранные купцы, когда совѣтовали выпустить „довольное количество“ золотой и серебряной монеты, ибо выпуски послѣдней безъ уменьшенія громаднаго количества ассигнацій не достигли бы цѣли: золотая и серебряная монета все равно ушла бы за границу; намъ извѣстно также, что въ добавленіе къ вредному вліянію на курсъ изобилія ассигнацій англичане указали и на уменьшеніе внутренняго достоинства въ золотой и серебряной монетѣ, какъ на обстоятельство, имѣвшее на вексельный курсъ Россіи тоже понижающее дѣйствіе. Въ нѣмецкой ученой литературѣ тѣхъ временъ было высказано по этому предмету и противоположное мнѣніе: утверждалось (Шлаецеръ), что порча монеты не имѣла ни малѣйшаго вліянія на курсъ, ибо для иностранцевъ было яко бы „все равно, что бы ни называлось рублемъ, было ли это серебро или мѣдь или какъ въ старомъ Новгородѣ купцы и лобки бѣлья. Еще меньше интересовали ихъ бумажныя деньги, такъ какъ послѣднія были совсѣмъ запрещены въ загра-

¹⁾ Бржескій, Государственные долги Россіи. С.-Пб. 1884, стр. 72.

ничной торговлѣ" ¹⁾. Это воззрѣніе не можетъ быть принято, потому что оно находится въ явномъ противорѣчій не только съ теоріей бумажно-денежнаго обращенія, какъ она трактуется теперь ²⁾, но и съ фактами, которые были извѣстны и тогда... Это воззрѣніе опиралось на фактическую ошибку, будто бы „иностранецъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что серебряный рубль Екатерины II содержалъ на 57 ассовъ меньше, чѣмъ прежніе, и на векселяхъ считалъ ихъ равными" ³⁾. Это положительно невѣрно. Напротивъ, иностранцамъ было далеко не все равно, сколько стоилъ русскій рубль, и они внимательно присматривались къ событіямъ на нашемъ монетномъ дворѣ. Не даромъ англійскія конторы были хорошо осведомлены о секретѣ двора и, конечно, дѣлали секретъ его извѣстнымъ всему свѣту. Англійскій посланникъ при дворѣ Екатерины II лордъ Мальмесбери, какъ только узналъ о предполагавшемся еще только уменьшеніи цѣнности въ русской монетѣ, сейчасъ же сообщилъ объ этомъ своему правительству: „она (императрица)—пишетъ онъ лорду Грантаму—хочетъ выпустить монету еще низшаго чекана". Эту мѣру англійскій посланникъ считаетъ вредной, равно какъ другую—выпускъ ассигнацій, о чемъ онъ уведомляетъ лорда Грантама въ томъ же письмѣ ⁴⁾.

Если такимъ образомъ самый металлическій фондъ Россіи той славной эпохи былъ неустойчивъ, то не печальнѣйшую ли финансовую картину стала представлять Россія, когда внутренній денежный рынокъ переполнился ассигнаціями, далеко не имѣвшими за собой хотя бы испорченнаго металлическаго обезпеченія? Такое положеніе дѣлъ на русскомъ денежномъ рынкѣ вызвало быстрое пониженіе стоимости нашего рубля, потерю кредита, застой въ промышленности и торговлѣ и спекуляцію на ассигнаціонномъ курсѣ, замѣченную и указанную тогда же, когда вексельный курсъ сталъ озабочивать русское правительство и кунечество. Вообще, можно, мнѣ кажется,

¹⁾ Патлаевскій, Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762. Ассигнаціи запрещены въ загр. торговлѣ . . . „nach vorbemelddter Verordnung", возмещаетъ Шлецеръ, то-есть по указу 8-го октября 1780 г., цитируемому въ § 86 сочиненія этого автора: Münz-Geld- und Bergwerks-Geschichte 1791 г., 201—203. (Ваниски Импер. Новорос. универс. 1867 г., II, стр. 264).

²⁾ Антоновичъ, Теорія бумажно-денежнаго обращенія. Кіевъ 1883, стр. 70 и 71.

³⁾ Патлаевскій, цит. соч., стр. 263 и 264.

⁴⁾ Бржескій, Государств. долги Россіи, стр. 57.

согласиться, что усиленные выпуски ассигнацій и быстрое паденіе ихъ курса энергично начали содѣйствовать паденію вексельнаго курса. Къ 1786 году сумма всѣхъ выпущенныхъ ассигнацій равнялась 46.219.250 р. ¹⁾; Высочайшимъ манифестомъ этого года было приказано „весь выпускъ ассигнацій довести до 100.000.000 р.“ ²⁾. Неудивительно, что ассигнаціонный курсъ, стоявшій еще въ 1787 г. на 97 к., въ 1788 сразу упалъ до $92\frac{3}{8}$; вмѣстѣ съ тѣмъ и вексельный курсъ съ 84 гол. стивер. понизился до 30 (на Амстердамъ). При дальнѣйшихъ выпускахъ ассигнацій продолжалось паденіе ихъ курса, — продолжалось пониженіе и вексельнаго курса, хотя и не въ полномъ соотвѣтствіи съ первымъ ³⁾. Итакъ, слѣдуетъ признать, что съ 1788 года по 1793 годъ включительно паденію стоимости русскаго ассигнаціоннаго рубля принадлежитъ преобладающее вліяніе на вексельный курсъ Россіи. Вопросъ же о томъ, какая причина была господствующею въ паденіи и колебаніи нашего вексельнаго курса до усиленнаго „умноженія“ государственныхъ ассигнацій, нуждается въ новомъ специальномъ обследованіи и разъясненіи, выходящихъ за предѣлы задачи настоящаго этюда; тѣмъ болѣе необходимо пересмотрѣть этотъ вопросъ, что *самое состояніе* вексельнаго курса даже до 1789 года оцѣнивается *неодинаково* историками русскіихъ финансовъ ⁴⁾.

¹⁾ Мигулинъ, цит. соч., 19.

²⁾ Ibid., 21.

³⁾ Въ 1790 г. курсъ русскаго рубля понизился до 87 к. (съ $91\frac{3}{4}$), а вексельный курсъ стоялъ и въ этомъ году, какъ въ предшествующемъ, на 30 стив.

⁴⁾ Такъ, г. Мигулинъ въ цитированномъ выше своемъ трудѣ русскіе вексельные курсы до 1789 года считаетъ „неизмѣнно благоприятными“ (стр. 26), а Шторхъ въ своихъ Матеріалахъ къ теоріи денежныхъ знаковъ въ Россіи полагаетъ, что уже къ 1784 году „курсъ нашъ на иностранные города былъ очень невыгоденъ для перевода денегъ по векселямъ“. „Какъ низко стоялъ нашъ курсъ“, показываетъ, по мнѣнію Шторха, и курсовая таблица, и „именной указъ 10-го іюля 1784 года, данный иностранной коллегіи, которымъ для покрытія убытковъ, происходившихъ отъ вексельнаго курса при переводѣ за границу жалованья посольствамъ, назначено 86.000 р.“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* СXXXVII, стр. 806). Какъ мы видѣли, весьма невысокаго мнѣнія о состояніи вексельнаго курса было и правительство, и купечество въ екатерининскую эпоху. Еще въ 1774 г. русскимъ вексельнымъ курсомъ былъ очень недоволенъ придворный банкиръ баронъ Фридериксъ, практической и знающей финансистъ, покананіе котораго о вексельномъ курсѣ имѣетъ для насъ то несомнѣнное достоинство, что онъ самъ осязательно испыталъ неблагоприятность нашего вексельнаго курса, будучи поставленъ въ необходимость производить казен-

Съ другой стороны, довольно знаменательнымъ является и то обстоятельство, что возвышеніе вексельнаго курса съ 1794 года совпадаетъ съ дальнѣйшимъ, въ теченіе 2 лѣтъ подъярьдъ, паденіемъ курса ассигнаціоннаго рубля. Это *временное* (по 1797 г. включительно) возвышеніе вексельнаго курса всего проще, конечно, объясняется вліяніемъ запретительнаго указа 8-го апрѣля 1793 года ¹⁾;

ные переводы за границу. Если внимательно всмотрѣться въ курсовую таблицу (см., напр., у Шторха—*Compt d'économie politique*, VI, 338 — 342), то можно увидать, что вексельный курсъ Россіи сильно колебался и въ общемъ клонился въ пониженію въ теченіе всего XVIII стол. Въ той же таблицѣ можно наблюдать и слѣдующее. Въ 1766 г. русскій рубль стоилъ 122½ к., а между тѣмъ вексельный курсъ съ 43¼ стивер. понижился до 40 стив.; въ 1762 г. рубль стоилъ *à pari*, а вексельный курсъ повысился до 44 ст., то-есть всталъ выше, чѣмъ въ 1766 г., когда рубль стоилъ не 100, а 122½ к.; въ 1775 г. вексельный курсъ съ 40 стив. предшествовавшаго года повысился до 48 стив., между тѣмъ какъ рубль, вставшій на пари въ 1774 г., въ слѣдующемъ году понижился на одну копейку, и проч. Очевидно, какъ до установленія бумажно-денежнаго обращенія, такъ и послѣ 1769 года, колебаніе и пониженіе вексельнаго курса Россіи не всегда можно объяснить стоимостью русскаго рубля. Г. Шторхъ убѣжденъ, что „уадокъ ассигнацій долженъ былъ сопровождаться паденіемъ вексельнаго курса“; но и онъ также думаетъ, что „колебанія курса въ разсматриваемый періодъ не всегда обуславливались единственно зміненіемъ достоинства ассигнацій“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* СХХХVІІІ, цит. соч., 880). Да будетъ позволено и намъ сдѣлать маленькое гипотетическое замѣчаніе: намъ кажется, что въ основѣ неустройствъ и разстройствъ нашего денежнаго хозяйства въ XVIII стол. лежало то обстоятельство, что политическій ростъ государства сильно опережалъ экономическое развитіе страны. Отсюда именно вытекаетъ наша внѣшняя задолженность послѣ Петра Великаго. „При преимуществахъ Петра I“ говоритъ г. Шторхъ въ своей обстоятельной, чисто фактической работѣ „О государственномъ долгѣ“, „финансовая дѣятельность не могла превозмочь накопленіе долга; хотя доходы возрастали, но ихъ все-таки не хватало на положенныя издержки“ (*Гражданинъ* 1878 г., № 29, стр. 799); дажѣ, отсюда, изъ того же огиѣченнаго обстоятельства,—и порча монеты, и внутренніе займы съ ихъ форсированіемъ и со всѣми послѣдствіями того; отсюда же—колебаніе и въ общемъ прогрессивное паденіе нашихъ векс. курсовъ. Изъ представленнаго нами обзора мнѣній людей XVIII стол. видно, что на экономическую отсталость Россіи указывали и савояники (такіе опытные и свѣдущіе патріоты, какъ кн. Вяземскій, кн. Щербатовъ, Клингштеръ и др.), и биржевые маклера, и купцы. Уже въ виду одного этого, въ виду проявленнаго ими яснаго пониманія экономическаго состоянія Россіи въ тогдашнюю пору, ихъ „мнѣнія“ заслуживаютъ самаго пристальнаго вниманія и изученія.

¹⁾ См. курсовую таблицу (записка о монетѣ, обрац., стр. 42 и 48; *Compt d'économie politique*, VI, 342). Такъ склоненъ объяснять дѣло и г. Лодыженскій; запретительный указъ 1793 г. вызвалъ „исправленіе баланса по внѣшней тор-

не вдаваясь въ какія-либо разсужденія по этому вопросу, мы въ настоящей статьѣ ограничиваемся лишь констатированіемъ указаннаго противорѣчія между обими курсами послѣ 1798 года; но при этомъ, однако, не можемъ не подчеркнуть, что отмѣченное временное возвышеніе вексельнаго курса совпадаетъ съ весьма значительнымъ разстройствомъ нашего денежнаго хозяйства: это какъ разъ было то время, когда для Россіи „прекратилась возможность обращенія къ внѣшнему кредиту“¹⁾, время, когда пришлось обратиться къ новому „громадному выпуску ассигнацій на 30 мил. рублей“²⁾.

О „средствахъ“, въ разное время предложенныхъ „для исправленія“ вексельнаго курса, здѣсь тоже много говорить не приходится, ибо самый важный, касающійся ихъ вопросъ, въ какомъ отношеніи эти проекты и „прошенія“ разныхъ совѣтниковъ и свѣдущихъ людей находились къ законодательству, послужить предметомъ другого этюда. Здѣсь я только напомину направленія разсмотрѣнныхъ проектов и „прошеній“.

Изучая вышензложенныя „обсужденія“, сначала мы могли наблюдать меркантилизмъ и протекціонизмъ, съ каковыми уже и тогда началась борьба либеральнаго направленія. Далѣе мы видѣли, что съ теченіемъ времени новый принципъ (*laissez faire, laissez passer*) экономической, въ частности торговой, политики, начинаетъ торжествовать среди официальныхъ „коммерческихъ“ совѣтниковъ, и коммисія о коммерціи становится совѣтъ туга на изобрѣтательность „средствъ“, считая ихъ вредными для самой торговли „изворотами“ и повторяя для очистки совѣсти нѣкоторые совѣты близко вексельнымъ курсомъ заинтересованныхъ людей—купцовъ. Между тѣмъ вексельный курсъ падаетъ все ниже и ниже, что вызываетъ экстренную мѣру — „особенное собраніе“. Эта временная коммисія, какъ подъ давленіемъ состоянія курса, такъ и снисходя къ купеческимъ совѣтамъ или, по ея терминологіи, „прошеніямъ“, высказалась въ пользу запрещеній въ иностранной ввозной торговлѣ и поощреній въ сферѣ русской промышленности. Не по плечу еще російскому купечеству была конкуренція съ иностранцами даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, каковыми она ограничивалась не только дѣйствовавшимъ тогда тарифомъ, но и запретительнымъ указомъ 8-го апрѣля

годѣ въ пользу Россіи. Вслѣдъ за симъ произошло и временное поправленіе курса“ (Истор. русск. там. тар., стр. 153 и 154).

¹⁾ Мисюлинъ, цит. соч., 18 стр.

²⁾ Бразескій, цит. соч., 84 стр.

1798 года. Купцы находили, что ввозъ *еще мало стѣсненъ*, и представили длинныя росписи товаровъ, подлежащихъ, по ихъ мнѣнію, запрещенію или обремененію тяжелыми пошлинами. Юсуповская коммиссія нашла справедливымъ это, можно сказать, самое жгучее купеческое желаніе, осуществленіе котораго было возможно всего скорѣе, и рекомендовала его правительству въ первую голову.

Такъ, на закатѣ XVIII вѣка въ коллегіи особо избранныхъ саванниковъ меркантилизмъ и протекціонизмъ снова были признаны наиболее цѣлесообразной системой экономической политики.

II. Опресовъ.